

МОР. ЦЕНА КОЛДОВСТВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНДРЕЙ РАСПУТНИКОВ

18+

Андрей Распутников

Мор. Цена колдовства

«Автор»

2026

Распутников А.

Мор. Цена колдовства / А. Распутников — «Автор», 2026

Когда судьба сулит лишь позор, на помощь внезапно может прийти рок. Так и вышло с юным Мормагоном. Лишенный надежды на будущее и сосланный в монастырь, на что он готов пойти ради достижения своей цели? Особенно, когда в его разуме шепчет подсказки чуждый этому миру пришелец с далекой Земли. Какие тайны скрыты в древних стенах Чергородского монастыря и что за секреты хранит святой престол Церкви

© Распутников А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андрей Распутников

Мор. Цена колдовства

Глава 1

Экипаж неспешно ехал по мощёной улице, тихо поскрипывая рессорами на брусчатке. В чёрной, лакированной до зеркального блеска поверхности кареты могли бы найти своё отражение идущие по тротуару горожане, если бы им, конечно, хватило наглости подойти так близко к экипажу с баронским гербом на дверях.

Не способствовал столь близкому любопытству и хмурый кучер, управлявший четвёркой коней, отливающих бронзой в лучах весеннего солнца. Каждый из коней представлял собой голема, приводимого в движение работой магического ядра и сложной системой механики. Позади двигалась двойка вооружённых всадников, сопровождая карету. У них лошади были вполне обычными.

Плотная шторка, прикрывающая оконце в двери экипажа, чуть отодвинулась, и в образовавшейся щели показалась полоса лица молодой девушки. Она окинула взглядом карих глаз проплывающие мимо высокие, в три этажа, здания и снующих в их тени горожан, мимолётно бросавших взгляды на карету. Спустя краткий миг шторка вернулась в исходное положение, скрыв от улицы и светлую кожу, и карий глаз.

Внутри экипажа сидели двое — юноша шестнадцати лет и девушка, на пару лет старше. Стороннему наблюдателю сразу бы бросилось в глаза некоторое сходство пассажиров, характерное для членов одной семьи. Они сидели на противоположных диванах и преимущественно молчали, погружённые в собственные мысли, но изредка между ними возникал короткий диалог.

— Господи, ну почему маменька отправила с тобой именно меня? — в который раз спросила девушка.

— Вот сама у неё и спроси, Анна, — с усталым видом ответил парень, опершись узким подбородком о не более широкую ладонь. — Я не просил тебя сопровождать.

— В конце концов, у нас для этого есть слуги! — будто пропустив слова брата мимо ушей, продолжила Анна. — Меня, между прочим, пригласили на званый обед к Хворостининым! А теперь, по твоей милости, я не смогу там присутствовать. — Девушка откинулась на бархатную спинку дивана, скрестив на груди руки.

— А ты не думала, что именно в этом и заключается причина твоего нахождения здесь? — скосив на сестру глаза, устало сказал юноша.

— Что ты имеешь в виду?

Парень поднял голову и, откинув со лба золотую прядь, посмотрел прямо на старшую сестру. Они были похожи, но различий во внешности хватало, даже с учётом разницы полов. Анна была похожа на их мать: русые, чуть выющиеся волосы обрамляли правильный овал лица и спадали на тонкие плечи. На светлой коже, под большими карими глазами, рассыпались едва заметные веснушки, появляющиеся у неё в начале весны и тщетно скрываемые румянами до середины осени.

В отличие от сестры, его волосы были огненно-золотые, под стать правому, янтарному глазу. Левый же, по какой-то необъяснимой причине, в противоположность соседу, имел иссиня-чёрную радужку, практически полностью сливавшуюся со зрачком. В остальном черты совпадали, за исключением веснушек, которых у него, впрочем, как и у старших братьев, не имелось.

— Матушка, по всей видимости, переживает за твою репутацию. У тебя, должен напомнить, намечается сватовство с сыном графа Орлова. — он, как и сестра, откинулся на спинку.

— Что за бред ты несёшь, Мор?

— Лишь то, что услышал краем уха. Матушка сегодня спорила с отцом по этому поводу. — Он пожал плечами. — Так что понимай как хочешь.

Дальнейший путь они проделали в задумчивом молчании, каждый — в своём собственном. Но идиллию разрушил деликатный, но вполне уверенный стук по крыше кареты — это кучер сигнализировал, что они вот-вот придут к месту назначения.

Не обращая внимания на сестру, юноша откинул шторку и высунулся из окна, осматривая округу. Экипаж приближался к Софиевскому собору, расположенному на берегу Охры, протекавшей через Софград — столицу их губернии. Большое, выше прочих строений в городе, здание из обожжённого кирпича доминировало на местности треугольным зубчатым куполом, тянувшимся, казалось, к небосводу. Собор больше походил на военную крепость, нежели на церковную обитель.

На площади у ворот собора толпились люди. Их всех преимущественно объединял возраст в шестнадцать лет. Все они в этот день должны были пройти обряд познания. Его суть заключалась в том, что священнослужители выявляли людей с колдовским даром.

Для некоторых это был единственный способ как-то изменить свою жизнь и несколько поправить положение в обществе. По-настоящему одарённого чародея ждал резкий взлёт из любого сословия — в пределах разумного, конечно. Сколь сильным и могущественным колдуном ни стал бы сын пастуха, в высший свет ему дорога заказана. Исключением были лишь одарённые девицы, довольно быстро находившие себе мужей из младших отпрысков дворянских фамилий. Аристократы никогда не упускали возможность усилить свою линию крови таким способом. Сословие в Империи играло далеко не последнюю роль, впрочем, как и во всех остальных странах.

Даже сейчас Мор должен был стоять у закрытых ворот вместе со всеми, одетый, как и они, в белую длиннополую мантию, но вместо этого сидел в карете. Но одет он был и вправду в белую мантию. Единственное, что была она пошита из шёлка да надета поверх камзола, а так да — такая же, как и у всех остальных.

— Езжай к задним воротам, Демьян, — приказала Анна кучеру, приоткрыв свою дверь.

Кучер послушно завернул направо и, огибая соборную площадь, повёл экипаж в указанном направлении, где уже стояли несколько похожих карет. Если быть более точным, то их было четыре. Причём три из них носили на себе герб губернатора.

Заехав во внутренний двор собора, Демьян остановил экипаж рядом с другими каретами и открыл двери для молодых господ. Мор, как мужчина, вышел первым и подал руку сестре, помогая той спуститься.

Тело юноши за время поездки изрядно затекло, но разминаться, тем самым выказывая слабость и плебейские замашки, было нельзя. Во дворе, помимо их с сестрой и сопровождающих, был и прочий люд. Возле экипажей и коновязи стояли сопровождающие, прибывшие с благородными отпрысками. По правилам им было запрещено пересекать порог собора без крайней на то необходимости. Даже дворянские фамилии не желали ссориться с Церковью.

У высоких двустворчатых дверей в собор стоял пожилой священник в белоснежной рясе, молчаливо наблюдая за прибывшими.

— Подождёшь меня здесь? — спросил сестру Мор.

— Вот ещё! — фыркнула та, расправляя юбку. — Могу поспорить, что Сомов прибыл, как и ты, в компании сестры.

— С Варварой? Ты ведь терпеть её не можешь? — удивился брат.

— И что это меняет? — ответила ему Анна, осматривая себя в отражении дамского зеркала, выуженного из миниатюрной сумочки, что были нынче в моде у благородных дам.

На это ему возразить было нечего, поэтому он поправил мантию и направился к ожидавшему их священнику. Подойдя ближе, Мор поприветствовал его первым, чуть склонив голову, как того требовал этикет. Анна, укрывшая голову невесомой вуалью, повторила его действие, встав за правым плечом младшего брата.

— Ваше благородие, — поклонился священник. — Пройдёмте за мной. — Он распахнул одну из створок и прошёл в поглотившую его полутьму. Они последовали за ним.

У алтаря, в ожидании епископа, стояли трое: невысокий толстяк и две девицы. Сын губернатора — Олег Сомов — отличался тучностью и любовью к крепкому одеколону. В его напыленных, пепельного цвета волосах, тщательно зачёсанных назад по последнему писку столичной моды, при желании и некотором воображении можно было увидеть отражение стоящей рядом с ним сестры. Варвара Сомова походила на младшего брата лишь цветом волос да размером бюста; в остальном природа сжалилась над девушкой, наградив вполне миловидными чертами.

Вторая девушка — дочь барона Асбинского. Высокая, с прямой как струна осанкой и холодным, чуть отстранённым взглядом. Насколько помнил Мор, звали её, кажется, Анастасией. С ней он знаком был шапочно, в отличие от Сомовых.

— А вот и Князевы, — расплылся в улыбке Олег Сомов. — Мы вас заждались. — Говорил он с лёгкой одышкой, свойственной людям его комплекции.

— Анна, душа моя! — весело воскликнула Варвара и кинулась обнимать «подругу».

— Приветствую вас, — Мор кивнул всем присутствующим по очереди, согласно их положению.

— Добрый день, — скупно поздоровалась Анастасия и сделала небольшой шаг в сторону от щебетавших Варвары с Анной.

Словно только этого и дожидаясь, под сводом центрального нефа раздались гулкие шаги. Облачённый в чёрную с золотыми узорами рясу, в их сторону шёл епископ Софиевского собора — его преосвященство отец Гавриил. Это был довольно молодой для такой должности священнослужитель с резкими чертами лица и короткой, хорошо ухоженной бородой, едва тронутой седыми прожилками. Подойдя, он окинул всех взглядом тёмных глаз и произнёс:

— Господа Сомов и Князев, а также госпожа Асбинская, прошу вас проследовать за мной к алтарю. — Голос своей мягкостью сильно контрастировал с его внешностью. — Госпожа Князева и госпожа Сомова, пожалуйста, подождите здесь. — Несмотря на мягкость этого голоса, было видно, что возражения в данном случае будут бессмысленны.

Отец Гавриил сделал жест рукой по направлению к алтарю и, подавая пример, первым туда и проследовал. Юным кандидатам на магический дар ничего не оставалось, как пойти следом за уверенно шагающим епископом. Их шаги отдавались набатом в высоких сводчатых потолках, где иконописцами была изображена великая битва сил Света и воинства Тьмы.

Они остановились у алтаря — золотого шара, покоящегося на каменном постаменте, настолько древнем, что не было бы ничего удивительного, если бы выяснилось, что собор или даже сам город были воздвигнуты вокруг него. Шар при приближении к нему людей принялся испускать мягкое, чуть мерцающее свечение. Его поверхность была идеально гладкой, и тем удивительней, что в ней не было ни единого отражения. И когда отец Гавриил воздел над ним руки, читая молитву, в сфере не то что не появилось даже намёка на отражение — казалось, сама тень от рук епископа огибала священную реликвию.

— Анастасия Асбинская, — отец Гавриил позвал девушку. — Подойди к Оку архангела и возложи на него свои ладони. — Он сделал небольшой шаг в сторону от реликвии.

Девушка, ставшая, казалось, ещё прямее, чем раньше, медленно подошла к алтарю и замерла в нерешительности. Постояв с десяток секунд, она уняла дрожь в теле и столь же медленно, как и подошла, положила руки на мерцающую сферу и замерла. Сфера засияла чуть ярче, затем погасла и спустя несколько ударов сердца засияла вновь.

— Поздравляю вас, Анастасия, — епископ подошёл к девушке и мягко, по-отечески, ей улыбнулся. — У вас проявился дар. Пусть слабый, но всё же дар. — Он отвёл Асбинскую от алтаря и поставил рядом с собой.

— Олег Сомов, — назвал епископ второго претендента.

Толстяк шумно выдохнул и, обливаясь каплями пота, несмотря на прохладу в соборе, спешно подошёл к постаменту. В противовес Анастасии Олег не стал унимать дрожь в потеющих ладонях и, оттерев их о полу белоснежной мантии, водрузил на Око. Всё повторилось в точности как в первый раз, разве что свет был более ярким. Олег улыбнулся и с облегчением вытер вспотевший лоб уже прилично промокшим платком.

— Поздравляю, — с Сомовым отец Гавриил был более лаконичен. — У вас сильный дар, молодой человек. Вам есть чем порадовать своего отца.

Олег с самодовольной улыбкой на пухлом лице, без лишних понуканий, подошёл и встал рядом с Анастасией и епископом. Прошедшие инициацию неофиты, как их теперь будут называть, смотрели на Мора с интересом и некоторым превосходством. Они уже всё знали.

— Мормагон Князев, — позвал его епископ полным именем, что вызвало тень улыбок на лицах двух неофитов.

Мормагон — это имя он унаследовал от прадеда со стороны отца. Причиной такого решения стали глаза. Дед обладал той же особенностью — разным цветом радужки. Гетерохромию, как назвал это семейный лекарь, иногда приписывают как отличительную черту сильных чародеев. Одну из многих. Но не в его случае.

Парень подошёл к Оку и остановился. На короткий миг в нём появилась надежда на то, что судьбу удастся изменить. Обретение магического дара очень многое значило для молодого отпрыска баронской фамилии. Для него это был единственный шанс.

Мор положил ладони на гладкую, прохладную поверхность золотой сферы и зажмурился. Мир остановился. Парень почувствовал, как волна энергии, зародившаяся где-то в глубинах Ока, прокатывается по его телу. Она прошла от кончиков пальцев до самой макушки, спустилась к ступням и вернулась обратно в сферу, чтобы спустя невыносимо долгую долю мгновения повторить свой путь по его телу. Он почувствовал, как в груди зарождается миниатюрное солнце, опаляющее своим жаром всё его естество. А уже через миг жар небесного светила сменился сосущим холодом и пустотой космического вакуума.

— Молодой господин, вы очнулись, — было первым, что я услышал.

В голове будто бы ворочался ком, мешающий хоть сколь-нибудь внятно думать. Ощущение — как если бы я неделю беспробудно пьянствовал, причём исключительно метиловый спирт пополам с растворителем. Попытка поднять веки успехом не увенчалась. Даже вздохнуть чуть глубже оказалось невыполнимой задачей.

— Маришка! Беги за лекарем и сообщи госпоже! — голос явно женский. — Господин Мормагон, как вы себя чувствуете?

Что ещё за Мормагон? Я что, не один тут в коматозе? Да и с каких пор в нашей Необъятной появились господа? Я всегда думал, что они все остались исключительно в песнях Газманова. Ещё ходили какие-то слухи насчёт Питера, но это не точно.

И тут мои глаза наконец приоткрылись. Передо мной, чуть склонившись, стояла девушка лет двадцати. Открытое обеспокоенное лицо с чрезвычайно живыми серыми глазами замерло в десятке сантиметров от моего. Рука протянулась ко лбу, и я почувствовал прикосновение чуть прохладных пальцев.

— Господин, вы меня слышите? — она обращалась ко мне.

— Да, — охрипшим голосом ответил я.

Я? Нет! Я ничего не говорил!

— Дай попить, — вновь кто-то другой отвечает за меня моим ртом на каком-то неизвестном, но полностью понятном мне языке.

Я слышал, что они говорили на другом наречии, не похожем ни на один язык, известный мне. Но я каким-то образом всё прекрасно понимал. Будто встроенный прямо в мой разум переводчик подбирал аналоги на русском языке. Фраза: «Дай попить» на их родном языке звучала как: «Эурх гихс варс».

Девушка с готовностью протягивает мне стеклянный стакан, по граням которого стекают прозрачные капли. Моя рука сама протягивается к посуде, и тонкие пальцы неуверенно сжимают чуть прохладное и влажное стекло. Я с нарастающим ужасом смотрю на свою руку и понимаю, что она не моя. Свою руку невозможно не узнать. И конкретно эта мне никогда не принадлежала. Да и голос, если задуматься, был другим. Так мог говорить подросток или молодой парень лет двадцати. Тогда как я был... Я... был... А кем я был? Кто я такой? Как меня зовут? Что я вообще помню?

Я помню, что родился, вырос и жил на планете Земля. Даже страну помню — Россия. Год — две тысячи двадцать пятый. Многого могу вспомнить из жизни всего мира в целом, но ничего про себя. Ни имени, ни возраста, ничего... Единственное — отчётливо знаю, что я мужчина. На этом всё.

Что со мной произошло? Где я? Мысли взбесившимся хороводом кружились в моей эфемерной голове, время от времени врезаясь в стенки черепа, порождая вспышки тупой боли. И внезапно очередная вспышка принесла знание.

Я — шестнадцатилетний барон Мормагон Князев. Сын его благородия барона Александра Князева. У меня есть мать — Аврора Князева, два старших брата и сестра.

Воспоминания нескончаемым потоком вливались в мой разум, заставляя пережить всю жизнь Мормагона Князева вплоть до мгновения потери сознания в соборе. Я знал всё, что знал он. Даже больше. Я знал всё, что он когда-либо слышал или видел. Благо воспоминания сохранились не в качестве лично пережитого опыта. Нет — это похоже, словно бы я посмотрел очень длинный фильм и запомнил досконально каждую его секунду. Эмоции парня прошли мимо меня.

Я чётко разделял, где были мои, пусть остаточные, воспоминания, а где — воспоминания Мормагона. И теперь я знал, где я. Если, конечно, я не валяюсь, утыканный капельницами, в психоневрологическом диспансере, а всё, что сейчас происходит, не является ярким бредом агонизирующего под действием убойной химии мозга.

Мир, в который я попал, называется Дагас. Три огромных материка и бесчисленный сонм островов и архипелагов, разбросанных по бескрайним просторам Великого океана. Уровень развития местной цивилизации был примерно сопоставим с Европой середины восемнадцатого века. Во всяком случае, так обстояли дела с человеческой расой. Главным отличием от моего родного мира было наличие магии и иных видов разумных.

Магия в этом мире была основополагающей силой. На её основе строилась вся местная цивилизация. Она заменяла электроэнергию, была краеугольным камнем в медицине, участвовала так или иначе во всех сферах жизни людей. И конечно же, самым популярным и высококоразвитым её аспектом была война. Атом может быть и мирный, но вот мы, сука, не очень.

Были и не слишком многочисленные люди, способные управлять потоками эфира, творя настоящие чудеса. Таких тут называли чародеями, магами или колдунами.

Что касается иных рас, то тут было чуть сложнее. Мой носитель не слишком хорошо разбирался в данной теме. Не говоря уже о том, чтобы воочию увидеть какого-нибудь эльфа или дворфа.

Я буквально тонул в океанах новой информации, но всё же отложил дальнейшее изучение чужой памяти, потому как в поле действия моего — или нашего, не знаю, как правильное, — зрения появилось новое действующее лицо.

В помещение ввалился сухопарый мужчина средних лет с пузатой кожаной сумкой в руках.

— Тук-тук-тук, — в такт постукиваниям по дверному косяку сказал он. — Не помешаю?

— Доктор Зиберт, — сидевшая на стуле возле меня — или нас — служанка повернулась к двери.

Меня. Нас. Честное слово, ощущаю себя каким-то небинарным квадробером.

В несколько широких шагов доктор пересёк комнату и остановился у кровати, в которой и лежал парень.

— Нусс, ваше благородие, — жизнерадостно начал он. — Приступим к осмотру? — Он потёр ладони друг о друга и склонился к своей сумке.

Зажимы щёлкнули, и из её недр он извлёк нечто, отдалённо похожее на очки виртуальной реальности. Правда, сделаны они были не из пластика. Насколько я мог судить, основным материалом корпуса послужила медь и что-то, сильно напоминающее кость.

Зиберт пристроил этот агрегат на своей голове и парой движений затянул крепления. Половина лица доктора скрылась за непроницаемой поверхностью артефакта. А это был именно он — артефакт. Медицинский прибор для осмотра пациентов. Что-то вроде МРТ, только в компактной оболочке.

— Ваше благородие, прошу, встаньте, если вас это не затруднит, — обратился к Мормагону доктор.

Тот молча слез с кровати, отчего в голове слегка зашумело. Причём я отметил: зашумело в голове парня, а не моей. Я чувствовал все его ощущения, но без труда мог абстрагироваться от них. При этом я знал на каком-то подсознательном уровне, о чём он думает. Я практически мог читать его мысли. Интересно.

Эскулап поставил пациента на середину комнаты и принялся ходить вокруг, рассматривая через артефакт. Это продолжалось около пары минут, после чего Зиберт разрешил вернуться в постель.

— Тааак... — он снял с головы прибор и убрал его обратно в сумку, после чего продолжил. — Насколько я могу судить, ваше тонкое тело не пострадало, даже напротив. Выглядит весьма, прошу прощения за мой каламбур, плотным. Думаю, это последствие чрезмерно большого количества эфира, прошедшего сквозь него. Очагов болезней я также не выявил. Головной мозг полностью функционирует. Опухолевых новообразований нет. Имеет место сильное истощение организма. Такое чувство, что вы дней пять питались исключительно водой и чёрствым хлебом. Полагаю, что постельный режим и несколько дней усиленного питания приведут вас в норму. Это даже странно, учитывая все обстоятельства...

— А что насчёт магического дара? — с затаённой надеждой спросил Мор.

— Боюсь, тут я ничем вам помочь не могу. Повторюсь: через ваше тонкое тело прошёл колоссальный объём чистой магической энергии. Я удивлён, что вы вообще всё ещё с нами. На моей практике такое впервые.

— Понятно, — грустно хмыкнул парень.

— В любом случае вам следует обратиться с разъяснениями к его преосвященству отцу Гавриилу. Думаю, он сможет рассказать больше.

Зиберт поковырялся в сумке и достал небольшую лакированную коробку. Аккуратно откинул крышку и вынул пузырёк зелёного стекла. Доктор пару раз интенсивно встряхнул его и обратился к служанке:

— Голубушка, не соизволите подать стакан с водой?

Когда девушка метнулась к графину, Зиберт повернулся в нашу сторону.

— Это укрепляющий состав, — он указал подбородком на зажатый в руке пузырёк. — Поможет быстрее восстановить силы. Принимайте по пять капель с утра натощак. — И, подавая пример, накапал в подставленный стакан те самые пять капель.

Если польза лекарства тем выше, чем гаже оно на вкус, то данной субстанцией можно смело реанимировать не самых свежих покойников. Достаточно будет пары-тройки капель на не слишком крупный погост.

Доктор, проследив, что пациент проглотил лекарство и, вроде как, не намеревается исторгнуть его обратно, быстро раскланялся и вышел за дверь.

Дождавшись, когда шаги Зиберта стихнут, Мормагон обратился к служанке:

— Подай мою одежду.

— Но, господин... — слабо запротестовала она. — Доктор велел соблюдать постельный режим.

— Принеси. Мою. Одежду, — чеканя каждое слово, уже приказал тот.

Мормагон брёл по коридору, стараясь не морщиться от накатывающей время от времени тошноты. Всему виной треклятые капли Зиберта, не иначе. Конечно, было бы лучше отлежаться в постели, как рекомендовал врач, но не в его положении проявлять такую слабость. Ему нужно было поговорить с отцом.

Александр Князев в компании супруги сидел в обеденной зале. На появление младшего сына барон никак не отреагировал. Он всё с тем же неизменным выражением на суровом лице набивал свежим табаком свою излюбленную трубку.

В присутствии отца не выказала своего внимания и мать. Она лишь искоса взглянула в его сторону и отгородилась свежим выпуском столичной газеты.

— Отец, — Мор поклонился главе семейства. — Матушка. — Поклон уже в сторону матери.

— Ты пробудил дар? — не поднимая глаз, спросил барон ровным, ничего не выражающим тоном.

— Я не знаю, — отвечал парень. По спине градом скатывались капли пота. — Что-то произошло, и...

— Ты пробудил дар? — на гладковыбритом лице барона не дрогнул ни единый мускул.

— Нет, — понуро ответил Мор.

— Нет... — В зале повисла тишина.

Барон закончил набивать трубку и прикурил её от зажжённой спички. В абсолютной тишине он начал её раскуривать. По комнате начали расходиться сизые клубы ароматного дыма. Из памяти парня я знал, что сейчас Александр Князев находится в состоянии тихого бешенства.

Сделав несколько глубоких затяжек, барон пристроил трубку на специальной подставке и медленно встал со своего места. Это был высокий, очень крепко сложенный мужчина сорока лет. Суровое лицо пересекало несколько тонких шрамов. Мормагон знал, что под военным мундиром, который его отец не снимал, скорее всего, даже во сне, было ещё больше боевых отметин. Барон Князев провёл почти всю молодость в Крепости на границе одного из Барьеров.

Барьеры, как подсказала мне чужая память — это локальные участки сопряжения мира Дагас с иными реальностями. Барьеры были основным источником эфира. Вернее, те места, которые они скрывали. Из Барьеров, помимо волшебства, приходили различные твари, и не только они. Именно так в Дагас пришли иные разумные — через точки сопряжения с их родными мирами.

Барьеры, через которые лезли всевозможные чудовища, окружались бастионами с высокими каменными стенами и регулярными боевыми гарнизонами. Именно их и называли Крепостями. Длина стен некоторых бастионов достигала нескольких километров и имела высоту в двадцать метров.

Александр Князев прослужил в Крепости без малого пятнадцать лет: пять — в качестве бойца группы зачистки и десять — как капитан. И даже будучи капитаном, он никогда не отсиживался за стенами.

Барон развернулся и встал у окна, ведущего в сад. Постояв с минуту, он изрёк:

— Ты отправишься в духовную семинарию.

— Но отец... — в душе Мора всколыхнулась волна отчаяния.

— Не перебивай меня, — сухо бросил он через плечо.

— Отец, пожалуйста, — взмолился парень, хоть и знал, что это вызовет ещё больше недовольства.

— Мне казалось, что мы с тобой уже это обсуждали, — Александр всё же повернулся к сыну. — Я думал, что мы пришли к некоторому пониманию той ситуации, в которой оказались.

— Да, но...

— Но что? — перечёркнутая косым шрамом бровь чуть приподнялась. — Было оговорено, что, если дара к магии у тебя нет, то единственный выход — это стать частью духовенства. Честно сказать, я не понимаю, на что ты вообще рассчитывал. В нашем роду никогда не было колдунов. Насколько мне известно, и в роду твоей матери тоже. Неужели всё это из-за твоей гетерохромии?

— Я могу пойти в армию... — парень предпринял ещё одну попытку.

— Нет, — ответ отца был категоричным. — Я не позволю тебе бесславно и, что самое главное, бесполезно умереть. Князевы — воинский род. Мы одни из лучших солдат Императора. Так было и так будет всегда. И я не позволю тебе опозорить нашу фамилию ещё больше. Ты и так постарался.

— Но что я сделал? — в недоумении воскликнул Мор.

— Что ты сделал? Да ты свалился без чувств в соборе! На глазах у этого жирного недоумка Сомова и девицы Асбинского. Да уже весь город знает, что мой сын — слабак, не способный перенести даже элементарную проверку на магический дар.

— Саша, прошу, успокойся, — впервые подала голос мать. — Мормагон действительно не виноват. Это все последствия чумы...

— Аврора. Будь так любезна, не вмешивайся в разговор.

— Отец, но ведь я могу пойти учиться в военную академию. Из меня может выйти инженер боевых големов. Для их проектирования не обязательно иметь магический дар.

— У нас нет денег на твоё обучение, — припечатал барон. — Поступить на бюджет могут лишь мещане и поистине талантливые отпрыски благородных фамилий. Ты же, насколько мне известно, не подходишь ни по одному из этих критериев.

— Но как же так? — не поверил Мор.

Мир этого молодого ещё парня рушился прямо у меня на глазах. Мне где-то даже было жаль этого мальчишку. Но гением его назвать было нельзя даже с очень большой натяжкой. Но в этом, как ранее говорилось, не его вина. По крайней мере, не полностью.

Родители изначально не планировали вкладывать хоть сколько-нибудь значимые средства в его обучение. Ему дали тот минимум знаний, что полагался юноше его сословия. Чего нельзя было сказать о старших братьях.

Пётр — наследник отца — обучался в военной академии. Оттуда он выйдет подготовленным офицером, в чине не ниже поручика. Там же учился и второй сын — Константин. И он так же, как и Пётр, должен будет получить подобное звание при окончании академии. Помимо этого, барон Князев обеспечил сыновьям лучшее обучение, на которое был способен, в части владения оружием. Братья с малых лет занимались фехтованием и прекрасно владели как клинком, так и копьём.

— Послушай, Мормагон, — в разговор снова вмешалась мать, отложившая газету. — Духовная семинария — это ещё не конец света. В конце концов, никто не принуждает тебя к обету безбрачия или бедности. Отучишься, получишь сан и, может быть, получишь направление в один из столичных храмов. Посмотри хотя бы на нашего епископа. Отец Гавриил тоже

не является чародеем, но занимает весьма высокий пост и один из уважаемых людей во всей нашей губернии.

— Аврора, перестань его уговаривать. Это уже решено. Через две недели он отправляется в Чергородский монастырь. Согласие тамошнего епископа пришло три дня тому назад.

— Три дня назад? — щёки Мора полыхнули алым. — Ты хочешь сказать, что уже тогда всё решил?

— Я решил это ещё десять лет назад. Ровно с тех самых пор, как понял, что ты не способен пойти по стопам рода Князевых. Для тебя это лучший выход. Ты должен быть благодарен. Мне стоило немалых трудов устроить твоё поступление.

— Но пап...

— Всё, — барон навис над сыном. — Тема закрыта. — Он вновь сел на своё место и глубоко затянулся. — А теперь иди в свою комнату. Шатаешься, словно осенний лист на ветру, того и гляди без чувств свалишься. Снова.

— Ступай, сын, — мать похлопала его по плечу и встала за спиной супруга, положив свои ладони уже на его плечи.

С трудом сдерживая комок слёз, подступивший к самому горлу, Мормагон вышел из обеденной, тихо затворив за собой дверь. Его мир рухнул. Судьбу не обманешь.

Глава 2

В отличие от Мормагона, мне сон, как оказалось, был не нужен. Ну или пока не нужен. Во всяком случае, в данный момент его потребность никоим образом не ощущалась. И это было хорошо.

Мне нужно было подумать в тишине, пускай и относительной — парень что-то бормотал во сне. Для начала нужно составить хоть какой-то план действий. Нет, не так. Для начала нужно поставить цель. И самая очевидная — выбраться из этого тела. Жизнь эфемерного сателлита не слишком прельщает перспективами. А вот теперь можно и план дальнейших действий составить.

Странно, но паника исчезла. Будто её и не было. Я оказался в совершенно ином мире — только не как герой-попаданец, а скорее как паразит. У меня нет ни тела, ни воспоминаний о своей личности. И если первое пугает, то на второе мне, как ни странно, почти плевать.

Я пытался. Пару раз заставлял себя вспомнить хоть что-нибудь о прошлом. Каждый раз всё заканчивалось одинаково — ослепляющей вспышкой боли, такой, словно мозги выворачивает наизнанку.

Похоже — это защита. Психика просто отрезает всё, что может сломать меня окончательно. И, поразмыслив, я решил не лезть дальше. Пока. Если за воспоминаниями придёт паника, то все станет только хуже.

Из позаимствованной памяти я знал, что в мире существуют колдуны, и магия у них, что самое приятное, не цыганская.

Чародеи были способны на многое. Поговаривали, что им было под силу даже переселить душу человека в чужое тело. А если это правда, то не исключена вероятность, что и меня смогут отсепарировать в какую-нибудь свободную жилплощадь. Ведь есть тут люди, что по той или иной причине лежат грустными патиссонами в скорбных домах. Не думаю, что кто-то сильно опечалится, если я заберу себе одно бесхозное тельце, желательно помоложе.

Для этого мне нужно было как-то выйти на связь с Мором и убедить пацана мне помочь. Как это сделать, я не имел ни малейшего понятия.

Достоверно было известно, что орать дурниной — бесполезное и крайне утомительное времяпрепровождение. Пациент никак не отреагировал на мои вопли. Кричать мысленно, как бы странно это ни звучало, было еще большей ошибкой — головная боль была единственным полученным результатом.

А что, если попробовать захватить тело, пока Мормагон спит?

Я начал представлять, что это тело мое. Почувствовал касание мокрой от пота простыни на коже, тяжесть одеяла на ногах и горячую подушку под взмокшей головой. Это Я лежал сейчас в кровати, а не Мормагон Князев. Это тело — МОЕ. Мысленное усилие, способное, казалось, сдвинуть целую гору, и правая рука, ощущаемая до кончиков пальцев, вот-вот... никуда не сдвинулась. Полный и безоговорочный провал.

Я продолжил снова и снова пробовать пошевелить если не всей рукой, то хотя бы кистью или, на худой конец, пальцем. Я не буду сдаваться после первой неудачной попытки. Я сдался после сорок шестой. Что ж. Отложим это на потом. Сейчас лучше сконцентрироваться на попытке связаться с хозяином туловища.

И тут возникала уже совершенно новая проблема. Даже если я смогу общаться с Мором, и он согласится мне помочь, то есть ненулевая вероятность, что нас загребет инквизиция. Меня запросто могли принять за демона, вселившегося в человеческое тело, и провести обряд экзорцизма. А он у них не сильно замысловатый — привяжут к бревну потолще и сожгут к чертовой бабушке.

И в свете этого обучение Мормагона в духовной семинарии при каком-то там монастыре может нести определенные риски.

Кто знает, каким проверкам подвергнут его при зачислении. То, что прибор Зиберта не показал моего присутствия, не значит, что и святоши ничего не найдут. В идеале нужно сделать так, чтобы он туда вообще не попал.

А как это сделать? Барон Князев не тот человек, что пойдет на попятные — это мне известно достоверно. Значит, нужно каким-то образом добиться отказа в зачислении в семинарию. Причем до попадания в сам монастырь. Такое решение должен принять сопровождающий, что прибудет за парнем через две недели. Но как этого добиться?

В размышлениях я провел весь остаток ночи. Вернее будет сказать, что я все это время перебирал память Мормагона в надежде найти выход. И он, как оказалось, лежал на самой поверхности. Ему просто нужно было добиться лишения дворянского статуса. Стать обычным человеком — мещанином. Жизнь у мещан в Империи, конечно, не такая простая, как у дворянского сословия или святош, но тоже ничего. Примерно, как у обычных граждан в моем родном мире. Живут же бедолаги...

Мормагон проснулся, как это ни странно, ранним утром. Чувствовал он себя весьма и весьма неплохо. Даже больше — еще никогда прежде он не просыпался таким бодрым, и это несмотря на разбитое состояние после разговора с отцом и прочих злоключений.

Парень вскочил с измятой постели и принялся выполнять утреннюю разминку. Нехитрый комплекс упражнений занял не больше десяти минут. И вновь необычное — он даже не запыхался, что было неизменным правилом каждой его тренировки.

Парень с детства страдал от последствий бледной чумы — коварной болезни, что веками блуждала по миру, оставляя за собой следы еще со времен войн колдунов. Если она не убивала сразу, то безжалостно подтачивала силы, разрушая иммунитет и принося с собой вереницу тяжелых осложнений. Среди них были и бесплодие, и постепенное ослабление мышц и костей, медленно, но верно подтачивающих тело.

Однако существовал единственный способ навсегда избавиться от этой напасти. Лишь пробуждение колдовского дара могло исцелить больного. Магическая сила, словно очистительный огонь, выжигала заразу изнутри, возвращая телу утраченное здоровье и приводя его к совершенству.

Удивленный и воодушевленный, он достал из-под кровати футляр со шпагой. Это был узкий обоюдоострый клинок с витой гардой, прикрывавшей кисть. Оружие дворянина, так презираемое в его семье. Отец владел полуторным мечом. Простое, в меру тяжелое оружие подходило как для свободного использования, так и в комплекте со щитом. Таким мечом одинаково хорошо можно рубить как врагов человеческого вида, так и порождений Барьеров.

Братья, к слову, также пользовались подобными клинками, отчего вечно глумились над Мором, который из-за мышечной слабости не мог хоть сколь-нибудь долго махать полуторником. Именно по этой причине он и выбрал шпагу, а никак не из-за ее дворянского статуса.

Вот только владеть ею он учился по учебнику из отцовской библиотеки. В ней было много подобной литературы. Учебник изобиловал вполне детальными иллюстрациями стоек и выпадов с подробным описанием их преимуществ и недостатков. Под большинством иллюстраций были рукописные пометки отца. Барон, хоть и относился с пренебрежением к шпагам и подобному холодному оружию, однако включал в программу обучения навыки защиты от него.

Взяв шпагу с ножнами подмышку, Мормагон вышел во внутренний двор, где была тренировочная арена, сейчас пустовавшая. Круг в два десятка шагов был вымощен не очень гладким, местами выступающим булыжником. Барон всегда считал, что тренировочный круг не может быть идеально ровным.

— Запомните, — говорил он братьям, — в реальном бою никто не станет расчищать вам площадку для боя. Под ногами, в лучшем случае, будет песок или примятая трава. Может

случиться и так, что биться вы будете по колено в стылой воде или в травяных зарослях, а может и в склизкой грязи. Привыкайте смотреть, куда ставите свои ноги, учитесь искать опору на любой поверхности, ведь твердо стоять на ногах — это уже половина победы.

Перед Мором стоял ростовая кукла для отработки ударов. Он встал напротив нее и пару раз взмахнул шпагой, рассекая воздух с характерным жужжанием. Затем он совершил стремительный выпад, уколос острием в центр груди манекена. Отшаг и смещение влево. Низкий выпад, и шпага вонзается практически в ту же точку, что и до этого, но под другим углом. Отшаг. Новый выпад, и снова клинок вонзается в середину груди.

«Я не боюсь того, кто изучает десять тысяч различных ударов. Я боюсь того, кто изучает один удар десять тысяч раз». Подход, конечно, правильный, вот только исполнение никуда не годится. Сразу видно, что с живым соперником он никогда не спарринговался. Он лишь атакует, совершенно не заботясь о защите. Да и его стремительные выпады, по сути, таковыми не являются. В реальном бою он не пережил бы и первой своей атаки, если его противник, конечно, не будет привязан к столбу по рукам и ногам, да еще и с мешком на голове.

Измывательство над манекеном закончилось где-то спустя полчаса. Взмокший от пота, но довольный как никогда Мор отправился в банную, предварительно спрятав шпагу на прежнее место. Когда он смыл с себя пот и переоделся в чистую одежду, наступило время завтрака.

В обеденной после вчерашнего разговора, казалось, ничего не изменилось. Отец, как и вчера, сидел во главе стола, занимаясь чисткой неизменной трубки, матушка напротив него, но уже не с газетой, а каким-то дамским романом, к которым питала маленькую слабость.

Давешние воспоминания слегка омрачили настроение парня, заставив чуть опустить голову. Но тем не менее родителей он поприветствовал, как полагается:

— Доброго вам утра, — и всё те же пара поклонов.

— Доброе утро, сын, — ответа его удостоила лишь мать, неотрывно глядя в текст перед собой.

Барон лишь скосил глаза на отпрыска, не переставая вычищать прогоревший табак.

Мормагон уселся на свое место, и уже спустя пару минут неловкого молчания, перемежаемого шелестом бумаги и постукиванием трубки о стол, перед ним опустили тарелку. В тарелке была заваренная на молоке каша, исходившая паром.

Мормагон довольно улыбнулся, тогда как мое отвращение не передать словами. Сам того не зная, я выяснил, что, оказывается, ненавижу молочные каши. Ну почему нельзя подать на завтрак яичницу из двух, а лучше трех яиц. Поджаренную на сливочном масле с луком. С куском белого хлеба и чашкой горячего кофе. От этих мыслей мой эфемерный, как и все прочие части тела, рот наполнился слюной.

Парень без энтузиазма поковырялся в каше ложкой, после чего решительно ее отодвинул.

— Евдокия, — подозвал он служанку.

— Да, молодой господин? — к столу подошла вчерашняя служанка — первый увиденный мною человек в этом мире.

— Прикажи повару приготовить глазунью из трех яиц с луком. Жарить пусть на сливочном масле. Белого хлеба еще и большую чашку кофе, а к нему сливки.

Я не поверил своим ушам. Мор попросил приготовить яичницу. Это не может быть простым совпадением. Я бы понял, если бы он просто попросил глазунью, но нет. Он перечислил всё то, чего захотелось мне. Будто бы мое сильное желание как-то повлияло на него. Да и к тому же — он вообще не ест яйца. Ни в каком виде. И к кофе никогда не притрагивался, потому как напиток не из дешевых даже для их семейства. К слову, со сливками его в доме Князевых никогда не пили.

Вот только опять же — это Мормагон озвучил мои пожелания или я перепутал его со своими?

В обеденной повисло молчание. Евдокия замерла в нерешительности, переводя взгляд с Мора на старших господ поочередно. Того и гляди у бедняжки голова пойдет кругом.

— Яичницу с кофе, ваше благородие? — неуверенно переспросила она, всё еще косясь то на барона, то на баронессу.

— Да, — кивнул парень. — Как-то внезапно захотелось. Только чтоб желтки были жидкими.

— Евдокия, чего замерла? — холодно бросила баронесса. — Делай, что велено, клуша.

— Сию минуту, госпожа, — девушка поклонилась и быстро вышла в кухонную дверь.

Аврора отложила книгу, предварительно уложив меж страниц закладку, и повернула корпус в сторону сына. Она смерила его внимательным взглядом, после чего спросила:

— Ты хорошо себя чувствуешь? — заботы в этом голосе было не больше, чем в куске замороженного мяса.

— Да, матушка, — робко улыбнулся Мор. — Намного лучше, чем вчера.

— Я смотрю, твое настроение заметно улучшилось со вчерашнего разговора и... — договорить она не успела, так как в помещение ворвался вихрь по имени Анна.

— Доброе утро, папенька, — девушка подбежала к чуть улыбнувшемуся отцу и чмокнула того в щеку. — Доброе утро, маменька, — губы Анны налетели на выставленную ладонь баронессы.

— Анна, что за плебейские манеры? — правая бровь матери взлетела вверх.

— Ах, простите великодушно, — Анна прикрыла губы ладонью, соорудив при этом шутиливую гримасу. — Мор, — брату она тоже улыбнулась, усаживаясь за стол напротив него.

Какое-то время в обеденной царило странное молчание. Мать с подозрением переводила взгляд с Мормагона на Анну, словно пытаясь разглядеть что-то, что скрывалось за их веселостью этим утром. Отец же, напротив, не поменялся в лице, занятый чисткой трубки. Мимолетная улыбка при появлении дочери уже улетучилась, не оставив и следа на сосредоточенном лице. В его мире на это время не существовало ничего более значимого и заслуживающего хоть сколь-нибудь малого внимания.

— Что происходит? — недоверчиво спросила баронесса, обращаясь сразу к обоим детям. — Вы как-то странно себя ведете.

— Просто такое прекрасное утро, маменька, — лучезарно улыбнулась Анна. — Разве не может быть у меня хорошего настроения? — она пододвинула к себе тарелку.

Мать с еще большим подозрением воззрилась на дочь, забыв на какое-то время про сына. Между бровей залегла морщина глубокой задумчивости, а пальцы звонко барабанили по столешнице, отбивая неровную дробь. Она, кажется, хотела задать вопрос, но всё никак не решалась, будто бы боясь услышать ответ на него.

— Если я спрошу твою гувернантку о том, где ты была прошлой ночью, — задумчиво спросила баронесса, глядя в глаза дочери, — То каким будет ее ответ?

Мору, а значит и мне, было хорошо видно, как пальцы Анны побелели — так сильно она сжала ложку. Кажется, сестренка доигралась.

— Так что я услышу в ответ на этот простой вопрос? — тон матери был настолько дружелюбным, что проняло даже Мормагона и прислугу, юркнувшую от греха из обеденной.

Мор непроизвольно вжал голову в плечи, хоть и понимал, что сия буря должна пройти мимо него. Но береженого, как говорится...

Что ж, кажется, яичницу придется подождать.

— Маменька, — произнесла Анна, её голос звучал слегка дрожащим, как будто она сама не верила в произносимые слова, — Я... ну, Татьяна Хворостинина, она пригласила меня к себе. Мы, э-э, собирались просто погадать и... выпить немного кофе. Но, вот, знаете, время так, ну, пролетело незаметно, и я вдруг сообразила, что за окном уже совсем темно, — она говорила в стремительном темпе, а её слова путались, она с трудом подбирала фразы, и в голосе

нарастала паника. — Вот я и осталась у неё переночевать, как и... ну, как и другие девушки, — добавила она, вжимаясь в стул, будто в надежде провалиться в резную спинку.

Мор еще сильнее вжал голову. Теперь-то он знал наверняка, что буря неизбежна. Об этом говорил и барон, молча удалившийся из обеденной где-то на середине невнятной речи Анны.

Умный мужик, ничего не скажешь. А вот Мормагон сплосховал и теперь оказался в самом эпицентре разрастающегося катаклизма.

Аврора Князева резким и тягучим движением встала со своего места, отчего ее стул, жалобно скрипя всеми четырьмя ножками, отъехал на добрый метр назад. Тоже, поди, испугался, бедняга.

Мор, наконец поняв, что нужно что-то делать и лучше всего ноги, предпринял робкую попытку покинуть зону поражения. Парень попытался встать, но скрипнувший в очередной раз стул демаскировал маневр. Всё-таки деревянные стулья на мраморном полу — идея так себе.

— Сядь на свое место, — не повышая голоса, приказала баронесса.

— Ма... — хотела было сказать что-то Анна, но наткнулась на взгляд матери, словно Титаник на айсберг.

— У тебя смотрины через неделю. А ты вознамерилась шляться всю ночь непонятно где и с кем. Я уже по горло сыта твоими выходками, Анна. Да мне стыдно Льву Панкратовичу в глаза смотреть при встрече. Хвала Создателю, что он — благородный человек. Сколько раз он возвращал твоё целомудрие? Пять? — с каждым сказанным словом её голос становился всё холоднее. Казалось, вот-вот и стол перед баронессой начнет покрываться инеем.

Анна смотрела на мать испуганными, круглыми, как два чайных блюдца, глазами. Еще ни разу на памяти Мормагона ей не прилетало настолько сильно. Про визиты доктора Урмана он, конечно, знал, правда особо и не интересовался, для чего конкретно приезжал чародей. Несложно понять, отчего мать пришла в такую ярость. Мало того что Урману приходилось платить немалые деньги за самую магическую операцию, так еще и за молчание нужно было доплачивать едва ли не вдвое больше.

Урман, конечно, и без платы не проговорится. Не дурак же он в конце-то концов. Кто после такого вновь воспользуется его услугами? Но всё одно спокойнее, когда рот прикрывает что-то помимо честного слова. Не станут распространяться и любовники Анны. Простолюдинов среди них нет — в этом Мор был уверен, а благородные трижды подумают, прежде чем бахвалиться. Неровен час, и барон Князев может взыскать за поруганную честь дочери. И благо, если дело решится свадьбой. В конце концов, Анна весьма и весьма недурна собой и, как-никак, законная дочь барона.

Другое дело, если разгневанный отец решит вызвать горе-любовника на дуэль. Мало кто в губернии мог сравниться с ним в искусстве фехтования. А воспользоваться услугами бретера для молодого аристократа — равносильно купанию в выгребной яме. Последнее, к слову, даже менее фатально для репутации. Но проблема в том, что всем рты не заткнешь, особенно если рты принадлежат благородным девицам.

Даже не знаю, что бы я делал без знаний Мормагона. Не будь этого, не побоюсь, рояля в кустах, то на одно худо-мальское освоение у меня ушел бы год-другой, минимум.

— Но, маменька, я ничего не сделала, — еще сильнее вжавшись в спинку, хотя это физически было невозможно, пропищала Анна.

— Ничего не сделала, да? — у баронессы только что морозный пар изо рта не валил. — И мы не опозоримся на всю губернию, когда тебя будет осматривать повитуха Орловых? — мать медленно напирала на свою дочь.

Твою ж... Строго тут у них с этим. А зубы там, например, часом, не планируют смотреть? Хотя — это ж высшее, мать его, общество. Так что я и такому не сильно удивлюсь.

— Я же не полная дура, — Анна немного взяла себя в руки и уже не так сильно вжималась в многострадальную мебель. — Я осознаю всю важность помолвки. К тому же я не собираюсь

упускать шанс стать графиней, — она высокомерно хмыкнула, видно представив, что ее статус в скором времени будет выше, нежели у прочих членов ее семьи.

Если мне не изменяет память Мормагона, то расценки у чародеев, специализирующихся на лечебной магии, никогда не славились демократичностью. Я даже не вполне уверен, что им вообще знакомо это слово. Нетрудно прикинуть, что каждое посещение доктора Урмана обошлось барону в сумму, сопоставимую с годовой оплатой за обучение в каком-нибудь университете, пусть и не в столице Империи. Ну, плюс-минус. Пять операций — это минимум четыре года обучения для Мормагона. Интересно его родители расставляют приоритеты.

— Пять операций? — дрожащим голосом спросил Мор, глядя на мать с сестрой.

Анна воззрилась на брата, словно только сейчас вспомнила о его существовании. На ее лице промелькнула столь отчетливо читаемая мысль, что казалось, она вот-вот материализуется у нее над головой в белом облачке.

Он стал свидетелем ее позора. И с этим уже ничего нельзя сделать. В глазах девушки вспыхнули искры ненависти.

— Этих денег хватило бы на мое обучение, — ладони, лежащие на столе, медленно сжимались. — Минимум четыре года я смог бы учиться в университете, — дыхание его становилось чаще. — Да, не в столице, но всё же.

— Что ты там мямлишь? — скривившись, спросила Анна.

Баронесса повернулась к сыну. На лице промелькнуло осознание того, что она зря не позволила ему уйти. А теперь всё стало чуть сложнее.

— Послушай, Мормагон... — Аврора повернулась в сторону закипавшего, как чайник, сына.

— Что послушать? Что деньги на мое обучение ушли в п... в эту... эту... эту блядь?! — запинаясь на каждом слове, выпалил он.

Хлесткая пощечина мотнула его голову вправо. Взметнувшиеся волосы упали на глаза. Левая щека запылала, а из глаз брызнули слезы. Баронесса стояла рядом, и ее ледяной взгляд был направлен уже не на сестру.

Мор вскинул голову, прижав ладонь к щеке, и встретился взглядом с матерью. И в ее глазах не было ничего, кроме холодной убежденности в своей правоте.

— У тебя нет права оскорблять сестру. У нее свой долг перед семьей, а у тебя свой. И не тебе ставить под сомнение наши решения.

— Правильно братья говорят — поганое семя, — тихо, как ей казалось, прошипела Анна, но мать услышала.

— А ты, моя дорогая, для начала выучи устав наследования титулов. Михаил — младший сын графа, а потому имеет титул барона, а не графа, как ты размышляла, — фыркнула баронесса. — Мормагон, ступай, нам с твоей сестрой нужно поговорить наедине.

День обещал быть ясным. Местное солнце, именуемое аборигенами Алфсхир, уже показалось на востоке и медленно, но неуклонно плыло в сторону зенита. Мор сидел в тени, опутанной зеленым плющом беседки, и предавался черной меланхолии. Я же экспериментировал.

Битый час я пытался внушить парню, что у него чешется левое плечо. Я пытался представить невыносимый зуд, охватывавший его конечность, но всё было тщетно. Как и прошлой ночью — он не реагировал на мои потуги от слова совсем.

Следом я попытался внушить ему сильную жажду. Представлял, как пересыхает у него во рту и как колющие спазмы терзают гортань, но и это не сработало. Что-то было не так. Вот только что?

Я был почти уверен, что это именно я захотел яичницу, а не Мор. Парень, в принципе, не отличался склонностью к выбору завтрака — так уж его приучили. Да и глазунья — завтрак ремесленника, а не дворянина.

Я что-то упускаю во всём этом. Почему вышло тогда, но не получается сейчас? В чём разница? Допустим, между желанием съесть жареное яйцо и почесать руку есть различие, но вот что касается жажды — тут ближе к первому. Или я опять не прав?

Разгадка была где-то очень близко — я чувствовал это, но правильная мысль всё время ускользала.

Чувствовал! Ну конечно!

За завтраком я почувствовал настоящий голод — так же, как и Мор. Но сейчас он испытывает чувства обиды и злости, в отличие от меня. Нужно попробовать перенять его эмоциональное состояние.

Я сосредоточился и попытался расширить свое восприятие. Эмоции Мормагона тонким ручейком начали просачиваться в мой разум. Вот только то, что я начал их ощущать и понимать, не означало, что у меня выйдет принять их как собственные. А что, если так?

Я сосредоточился и начал действовать:

— Они лишили Нас всего. Они думают, что имеют право решать, как Нам следует идти по жизни, как будто Мы — лишь марионетки в их жалком спектакле. Всегда, во всём, они относились к Нам как к чему-то ненужному, лишнему, словно Мы были просто пылью под их ногами. Наше мнение никогда не волновало их, и они с лёгкостью отреклись от Нас, словно от ненужного балласта.

Они решили сослать Нас в монастырь. Они утверждали, что у них нет средств, чтобы Мы могли учиться, но на самом деле они просто потратили Наши деньги на эту дуру Анну. Они облизывали её, как будто это была какая-то жемчужина, а Мы оставались в тени, цепляясь за Свои мечты. Они отняли у Нас будущее, чтобы эта распутная девка смогла выйти замуж за графского выроodka, даже не задумываясь о том, какой ценой всё это оплачено.

Теперь они будут радоваться, наслаждаться всеми благами, сытно есть и веселиться, тогда как Мы окажемся в этих тёмных церковных застенках, как заброшенные тени, прозябая в вечной тоске. Как они посмели? Как же долго Мы будем терпеть это вечное унижение?

Я говорил и чувствовал, как злоба растёт внутри меня. Она распирала и, словно голодный зверь, запертый в клетке, искала выход. Её нужно было выплеснуть, пока зверь, бьющийся шипастым боком о дрожащие прутья, не накинется на нас.

Мормагон порывисто вскочил на ноги. От чёрной, давящей меланхолии не осталось ни малейшего следа. Парень издал нечто похожее на рык и с силой принялся колотить кулаками в опору беседки. По выкрашенному в белый цвет дереву вскоре потекли тонкие алые струйки. Он рычал и выплёскивал вместе с брызгами крови всю накопившуюся злобу и ярость, пока, обессиленный, не рухнул прямо там.

Он стоял на коленях и с изумлением смотрел на свои дрожащие пальцы и разбитые, кровоточащие костяшки. Он впервые сделал что-то такое. Это пугало его, но вместе с тем я почувствовал, что где-то глубоко внутри ему это понравилось.

Теперь я понимал, как нужно действовать. Да — это сложно назвать полноценным общением, да и общением вообще, но это лучше, чем ничего.

Подняв голову, Мормагон увидел своего отца, стоявшего невдалеке от беседки. Тот с пренебрежительной гримасой смотрел на своего сына, стоящего на коленях, и время от времени прикладывался к дымящейся трубке. Постояв так какое-то время, барон презрительно хмыкнул и, развернувшись на каблуках, зашагал в сторону усадьбы.

— Проклятье, — застонал парень, попытавшись сжать ладони.

Кровь стекала по дрожащим пальцам и капала на доски пола, оставляя алые кляксы. Он встал, чуть пошатываясь от эмоционального перенапряжения. Голова слегка шла кругом, а к горлу то и дело подкатывал комок желчи.

Неровной походкой он двинулся вслед за бароном, но на полпути его встретила служанка. Это была всё та же девушка — Евдокия. Она подхватила его под руки и попыталась помочь дойти до крыльца, но Мормагон отстранил служанку.

— Уж это я могу сделать и сам.

— Да, ваше благородие, — девушка склонила голову.

Она шла позади, придерживая холщовую сумку, висевшую на тонком плече. В сумке, насколько знал Мор, были медикаменты и перевязочные материалы. Содержимое этой аптечки нередко было востребовано во время тренировок братьев.

Отец, как и одобренные им наставники, был приверженцем жёсткого обучения. Поединки не в полный контакт он считал блажью придворных лизоблюдов и прочей изнеженной публики. Поэтому что Пётр, что Константин дубасили друг друга в полную силу — хоть и затуплёнными, но всё же боевыми клинками. И нередко бывало, что кому-то из них требовалось перевязать ту или иную часть тела.

Мормагон и не думал, что когда-нибудь и ему придётся заглянуть в недра этой сумки. Хотя, как по мне, это было излишним. Ничего серьёзного с руками не произошло. Промыть в чистой воде, залить чем-то спиртным и перебинтовать — через пару дней всё само и заживёт.

Мор уселся на ступенях крыльца и позволил Евдокии оказать всю потребную медицинскую помощь. Девушка разложила аптечку и вынула из неё флакон с прозрачной жидкостью. Откупорив крышку, она вылила часть содержимого на мгновенно зашиповавшие ладони, из-за чего пациент скривился и зажмурил левый глаз.

— Потерпите, ваше благородие, — успокаивающим тоном, будто разговаривала с ребёнком лет пяти, сказала Евдокия.

Затем она быстро и профессионально забинтовала руки Мора — да так, что он мог свободно ими пользоваться. Он пару раз сжал ладони по наставлению девушки, дабы убедиться, что ничего не мешает.

— Вот и всё, — улыбнулась она. — До вечера не снимайте бинты. Я зайду к вам перед сном и сменю их на свежие. К завтрашнему полудню всё заживёт. — Она поправила выбившуюся из-под чепца прядь. — А теперь позвольте, я немного наведу здесь порядок, — она указала на лужицу у него под ногами.

Девушка поставила сумку-аптечку на верхнюю ступень и вынула серый платок из кармана на своём переднике. Она тщательно вытерла кровь, перемешанную со спиртовым раствором, со всех ступеней, после чего аккуратно сложила изгвазданную тряпицу обратно.

— Ах да, чуть не забыла, — она виновато улыбнулась Мору. — Ваша матушка и сестра уже покинули обеденную. Яичница и свежий кофе — всё, как вы велели, — уже на столе. — Она бросила взгляд в сторону дверей, ведущих из сада в обеденную залу.

Яичницу, всё ещё тёплую, но после последних событий абсолютно безвкусную, Мормагон проглотил сам для себя незаметно. Он, казалось, даже её не жевал — просто забрасывал прямым в желудок. А вот кофе ему не пришёлся по душе. Хватило одного глотка, чтобы понять: напиток не для него.

Весь оставшийся день Мормагон провёл в семейной библиотеке. С развлечениями в усадьбе было не густо, поэтому он сидел и читал один из бульварных романов, что так нравились его матери. Он читал, перелистывая одну страницу за другой, но смысл изложенного на бумаге проходил мимо сознания парня.

Он был погружён в некое медитативное состояние, размышляя о случившемся в беседке. Но и на этом он не мог сконцентрироваться — мысли всё время возвращались к конфликту во время завтрака. Вялые приступы злости на членов семьи вперемешку с жалостью к самому себе то и дело сбивали его концентрацию. Он вздрагивал, перелистывал пару страниц назад и начинал всё заново. И так по кругу.

Я больше не пытался воздействовать на него. Я не хотел привлекать ненужного внимания. Барон хоть и не очень-то обращает внимание на младшего сына, но всё же может заметить неестественные перемены в поведении. Не стоит забывать, что он профессиональный военный, привыкший иметь дело с потусторонними явлениями и прочей демонической дрянью. Уверен: во время службы у Барьера их как минимум учили выявлять потенциальных одержимых. Вот и не станем рисковать.

Лучше сосредоточиться на том, как избежать учёбы в духовной семинарии. На крайний случай нужно посетить отца Гавриила или другого священнослужителя. Зиберт ведь говорил, что было бы неплохо проконсультироваться с епископом по поводу случившегося при ритуале.

В конце концов, если меня обнаружат в местном соборе, то есть ненулевой шанс, что перед тем, как сжечь, они всё же попробуют разобраться, как так вышло. Ведь не должна божественная реликвия, коей является Око архангела, призывать демонов в тела юных аристократов. Ведь не должна же? Верно?

Ужин прошёл не в пример спокойнее завтрака. Баронесса общалась с супругом, обсуждая предстоящий приезд графа Орлова. Анна сидела рядом с матерью, изредка бросая полный презрения взгляд в сторону Мормагона. А тот, в свою очередь, сосредоточенно жевал кусок мяса, стараясь отстраниться от происходящего. Это было не слишком сложно: ведь и все присутствующие старательно делали вид, что Мормагона здесь нет.

Ну а я, настроившись на скверное настроение парня, внушал ему необходимость посещения собора. Нужно было разобраться раз и навсегда, смогут ли меня найти церковники или нет.

— Я хочу завтра съездить в город, — дождавшись перерыва в общении родителей, сказал Мор.

— Зачем? — на удивление вопрос прозвучал от отца.

Впрочем, от содержимого тарелки он отвлекаться не стал.

— Хочу посетить епископа. Раз уж мне всё одно придётся обучаться при монастыре, то не будет лишним узнать поподробнее о семинарии и как всё там устроено.

— В самом деле? — барон пристально посмотрел на сына.

— Да.

— Что ж, — Александр сделал глоток из бокала. — Это здравое решение, — кивнул отец. — Можешь взять экипаж, — разрешил он и вернулся к ужину.

— Благодарю.

На следующее утро, сразу же после завтрака, Мормагон велел запрягать экипаж. Дорога к городу занимала около часа, если в карету были впряжены големы. Когда я увидел их, так сказать, воочию, то был порядком изумлён.

Они были крупными — раза в полтора больше обычных коней, с корпусами, отлитыми из бронзы, и светящимися кристаллами глаз. Словно ожившие памятники, сбросившие своих медных наездников. Но при этом передвигались они так, словно были вполне себе обычными лошадьми из мяса и костей — только гораздо быстрее.

На этот раз из сопровождения ему никого не дали, что неудивительно. В прошлый раз был праздник, и барон (а если точнее — баронесса) выделили эскорт только из соображений «что скажут люди». Да и к тому же все мало-мальски прямоходящие обитатели усадьбы Князевых были заняты подготовкой к смотрам. Чему конкретно я был безмерно рад: меньше ненужных глаз и ушей.

Весь путь Мор сидел у распахнутого окна, вглядываясь в проплывающую местность. Панорама поросших разнотравьем лугов, зеленеющих молодой зеленью холмов и перелесков переплеталась с редкими сельхозугодьями. Кое-где между холмов проглядывала блестящая на утреннем солнце речная гладь желто-коричневого оттенка.

Охра — река, берущая своё начало где-то в недрах Эрамских гор и питающая добрую половину рек Софиевской губернии. Цвет воды, насколько знал Мор, был обусловлен содержанием в ней примеси каких-то минералов, добываемых в тех самых горах.

К Южным воротам в город экипаж добрался, как и планировалось, примерно спустя час. На воротах несли дежурство стражники, досматривавшие всех въезжающих в город. Впереди нас стояла пара обозных телег да несколько десятков пеших, но кучер, лихо завернув экипаж, встал впереди очереди.

Возничие на телегах недовольно загалдели, но, разглядев герб на карете, мигом притихли, сделав вид, что всё идёт своим чередом. Да здоровствует классовое неравенство просвещённого абсолютизма.

К немалому моему удивлению, досмотр не миновал и нас. Двое стражников, вооружённые короткими жезлами с молочно-белыми сферами в наконечники, обошли экипаж по кругу, не забыв и про лошадок. Ещё один проверил документы у кучера, а четвёртый осмотрел содержимое кареты — то есть меня, предварительно постучавшись, хочу заметить.

Осмотр занял не больше пары минут, после чего мы двинулись дальше, получив сопровождающий документ от капитана дежурной группы.

Софград чем-то напоминал мне старый Петербург и Кёнигсберг одновременно. Будто бы два города смешали в один причудливый винегрет. Неширокие улицы, вымощенные гладким камнем, вдоль которых стоят дома, имеющие характерные для Петербурга крыльца и сложные фасады, а в некоторых окнах виднеются витражи, очень похожие на те, что можно встретить в Кёнигсберге.

Куда ни посмотри — повсюду виднеются причудливые здания с колоннами и арками, словно взятые из какой-то старой картины.

Мы катились по высокому каменному мосту, соединявшему южный и северный берега Охры. Рыжая река, словно исполинский змей, разделяла город на две не очень равные части, делая изгиб в центре, к которому мы и держали путь.

В центре, где русло образовало нечто похожее на карман, располагалась главная площадь Софграда. Именно здесь стояли все главные административные здания губернии в целом и города в частности. Но главной архитектурной доминантой, конечно же, был Софиевский собор.

К его левому боку прижималась губернаторская ратуша, не рисковавшая своим остроконечным шпилем соперничать с зубчатым куполом обители церковников. С другого бока располагалась мэрия, не имевшая шпиля изначально, зато изобиловавшая мраморными колоннами.

В этом, кстати, была ещё одна отличительная черта собора: это было единственное здание на площади, не облицованное гранитом или мрамором.

— Демьян! — Мормагон постучал кулаком по стенке кареты. — Я выйду здесь.

Экипаж только въехал на кольцевую дорогу, опоясывающую центральную площадь, отчего-то именуемую Цветочной, а не Софиевской.

— Вы уверены, господин?

— Да, хочу пройтись.

Экипаж прижался к тротуару, и Мормагон прыгнул с подножки. Оправив чуть смятый костюм, он извлёк из кошелька пару банкнот и сунул их Демьяну.

— Можешь подождать меня в трактире. Только поставь экипаж так, чтобы мне не пришлось разыскивать тебя по всем заведениям.

— Благодарствую, ваше благородие, — кучер не стал артачиться и без колебаний взял деньги. — Поставлю аккурат так, чтобы от самого собора видать было.

Экипаж не торопясь тронулся с места.

Мормагон проводил карету взглядом до одной из недорогих ресторанов, что были на площади, а затем зашагал в сторону собора.

Сегодня у центральных ворот прихожан практически не было: лишь парочка вездесущих попрошаек сидела на паперти, звеня мелочью в медных стаканах, да четверо монахов в чёрных рясах стояли на охране входа. Они не прогоняли попрошаек, но и те, в свою очередь, не донимали прихожан ничем, кроме монотонного брenchания мелочи.

Мор поприветствовал монахов лёгким кивком и прошёл через ворота на территорию собора.

Внутренний двор, хоть и был ухожен и благообразен, всё равно больше походил на военный форт, готовый в любой момент отразить вражескую осаду. Даже зелёные насаждения были подстрижены ровно настолько, чтобы за ними невозможно было укрыться кому-то, чьи габариты превышали размеры собаки. И повсюду ходили монахи в чёрных балахонах с накинутыми капюшонами. Их однообразие изредка разбавляли люди в белых рясах, переходящие из одного здания в другое.

Одного из таких Мормагон и остановил.

— Прошу прощения, — парень преградил дорогу молодому церковнику лет двадцати пяти.

Монах оглядел того с головы до ног, видимо оценивая статус, после чего уважительно кивнул, приняв какое-то решение.

— Чем могу вам помочь? — вежливо спросил он.

— Мне нужно встретиться с епископом Гавриилом.

— Владыка ожидает вас? — он с некоторым удивлением посмотрел на Мормагона.

— Нет, но это касается инцидента во время обряда познания, — как бы намекая на нечто, скрывающееся за этими словами, доверительно шепнул Мор.

— А вы?..

— Барон Князев, — ответил парень, но, заметив недоверчивое выражение лица церковника, добавил: — Его младший сын.

На лице молодого монаха промелькнула какая-то мысль, и он кивнул:

— Следуйте за мной.

Спустя десять минут мы уже стояли в приёмной епископа. Отец Иоанн, как представился давешний монах, постучался в дубовую дверь и после дозволения начальственного голоса заглянул внутрь, не забыв прикрыть за собой дверь.

А через минуту епископ пригласил войти и Мормагона, отпустив монаха по своим делам.

— Здравствуй, Мормагон, — сидя за массивным деревянным столом, поздоровался епископ.

Кабинет главного священнослужителя губернии мог бы смело претендовать на статус образца аскетичности. Да, комната была большой, с высокими потолками и большим витражным окном, выходившим на реку. Но из мебели имелись лишь пара книжных шкафов да письменный стол с писчими принадлежностями и кипами коричневатой бумаги на нём.

Ещё была пара деревянных стульев самой обыденной конструкции. На одном из них как раз и восседал епископ. Мебель хоть и была добротной, но не имела хоть сколь-нибудь малой толики изысканности.

Это была просто мебель, которая выполняла возложенные на неё функции. Единственным, что хоть как-то могло претендовать на статус украшения, был разноцветный витраж, да и тот было почти невозможно разглядеть, так как окно было распахнуто настежь. Всё. Больше в кабинете не имелось ничего, кроме деревянного пола и веника в углу.

— Ваше преосвященство, — поклонился хозяину кабинета Мормагон.

— Прошу, присаживайся, — отец Гавриил указал на стул напротив своего стола.

Дождавшись, пока гость усядется, епископ спросил:

— Иоанн сказал мне, что ты хотел поговорить о том, что произошло с тобой позавчера? Умные глаза церковника следили за реакцией парня.

— Если это возможно, — осторожно ответил Мор. — Ещё я хотел бы расспросить вас о духовной семинарии при Чергородском монастыре. Мой отец решил, что мне следует пойти этой стезёй.

— Очень любопытно, — оглаживая бороду, задумчиво изрёк епископ. — А что ты сам об этом думаешь? — и снова внимательный, изучающий взгляд.

— Такова отцовская воля, — пожал плечами Мормагон, загоня эмоции как можно глубже. — И не мне противиться ей.

— Похвально смирение, — одобрительно, но с какой-то задумчивостью сказал отец Гавриил. — Давай вот как поступим, — откинувшись на спинку стула, изрёк он. — Сейчас я расскажу тебе главное, что тебе следует знать о семинарии, а после пройдем к алтарю, где и поговорим о том, что с тобой случилось. Идёт?

— Благодарю и внимательно вас слушаю, — усаживаясь поудобнее, согласился Мор.

— Самое первое, что ты должен запомнить: никому и ни при каких обстоятельствах не говори, что ты сын барона. Поверь, уже через неделю все и так будут это знать. Но за эту неделю ты должен показать всем соученикам, что можешь общаться со всеми как с равными.

Будешь проявлять чванливость и задирать нос — и тебе его мигом укоротят, — он принял ещё более серьёзный вид. — И это не фигура речи.

Второе, но не менее важное: ты должен всегда и во всём слушаться своих наставников. Но ни в коем случае не раболепствовать.

И это, пожалуй, всё, что тебе следует знать в данный момент, — епископ решительно встал и указал на дверь. — А теперь пойдём к алтарю.

На то, чтобы попасть к Оку архангела, у нас ушло где-то десять минут блужданий по галереям и коридорам. Фортификация внутренностей собора была выстроена так, что несведущий человек будет бродить в поисках правильного пути очень и очень долго.

Причём ему при любом раскладе придётся пройти через несколько высоких галерей, на стенах которых, я больше чем уверен, имелись замаскированные бойницы. Штурмовать такое укрепление будет сущей мясорубкой — при том, что ширина коридоров позволяет разместиться лишь двум не очень широким людям. Вот только кому в здравом уме захочется штурмовать собор?

Золотая сфера, как и в прошлый раз, начала светиться, как только к ней подошёл епископ. Отец Гавриил положил ладонь на артефакт и зажмурился. Мерцание Ока стало чуть интенсивнее, словно артефакт пульсировал в такт биения сердца епископа.

Мор, словно замороженный, смотрел на это, лелея глубоко в душе крохотный огонёк робкой надежды. Он всё ещё надеялся. Надеялся, что сейчас божественный артефакт сумеет найти в нём тот робкий огонёк, что окажется магическим даром.

— Подойди и встань передо мной, — епископ протянул в сторону парня раскрытую ладонь.

Мор без малейших колебаний сделал два шага и остановился возле священника. Отец Гавриил положил правую руку на макушку парня и сосредоточенно зажмурился.

Пульсация сферы усилилась вновь, сравнившись с сердечным ритмом Мормагона, и всё продолжала нарастать.

Я, в отличие от Мормагона, почувствовал, как тонкий ручеек энергии проникает в тело парня, опутывая его тонкими жгутами золотистого света. За какой-то десяток ударов бешено колотящегося сердца они спеленали всю фигуру Мора — с головы до ног. Словно мелкаячешуйчатая рыболовная сеть или паутина.

Спустя ещё пару ударов невидимые щупальца начали проникать глубже.

И вот — это уже не сеть и не паутина, а десятки извивающихся щупалец, изучающих всё нутро своей жертвы. Они принялись опутывать органы, медленно, но неуклонно сходясь в центре солнечного сплетения, где у чародеев находилось магическое ядро.

Я почему-то был уверен: как только они сойдутся, то я тут же буду обнаружен. Нужно было что-то предпринять — причём срочно.

Мысленным усилием я попытался представить, что хватаю эти щупальца и обрываю, словно ростки плюща. И, к моему глубочайшему изумлению, это вышло без особых трудностей.

Я поначалу испугался, что жгуты света причинят мне боль, но, кроме лёгкого покалывания, не ощутил ни боли, ни малейшего дискомфорта. Один за другим я выдёргивал из тела щупальца чужой магии. А то, что это была именно магия, — я ни на секунду не сомневался.

Краем чужого сознания я заметил, что епископ хмурится, не открывая глаз. Он что-то крайне неразборчиво хмыкнул, и натиск усилился. Сам Мормагон не ощущал ничего, кроме разливающегося по телу тепла и нервного напряжения от происходящего.

Всё новые и новые щупальца проникали в тело Мора через кисть церковника, взамен тех, что я оборвал. Их не становилось больше, но каждое последующее было как будто плотнее предыдущих. Но я всё с той же лёгкостью избавлялся от них, выдёргивая словно сорняки из податливой почвы.

В конечном итоге покрывшийся бисеринками пота отец Гавриил сдался. Жгуты энергии разом покинули тело Мормагона, вобравшись обратно в епископа. Пропала и опутавшая парня сеть — всё из той же энергии.

— Удивительно, — епископ окинул Мора оценивающим взглядом. — Твоё тонкое тело сопротивляется внешнему воздействию.

— Что, простите? — не понял его Мор.

— Твоё тонкое тело полностью отразило мои попытки тебя просканировать, — пояснил отец Гавриил.

— Но доктор Зиберт осматривал меня с помощью Зеркала душ, — недоумённо вспомнил Мормагон. — И у него всё получилось вроде как.

— Зерцало душ, — менторским тоном пояснил епископ, — несмотря на название, всего-навсего сканирует твою физическую оболочку. Оно не способно, так сказать, «прощупать» тонкое тело человека.

— Но Зиберт что-то упоминал о моём тонком теле. Вроде бы он сказал, что оно... эээ... какое-то слишком плотное, что ли... — припоминая, сказал парень.

— И он был абсолютно прав. Я даже было подумал, что ты одержимый. Но если бы это было так, то священная сила Ока архангела просто испепелила бы демона внутри твоего тела. А потом — и тебя самого, — после короткой паузы добавил епископ.

Ага, выходит, епископ всё же что-то такое подозревал, раз взялся учинить проверку. Даже священный артефакт не постеснялся припрятать для этого.

Что из этого выходит? А выходит то, что день уже прошёл плодотворно. Если уж мы прошли проверку самого епископа и Ока, то и в семинарии всё должно пройти без проблем. Не думаю, что у них будет что-то серьёзней главной реликвии собора.

— Так и что это всё значит? — сгорая от любопытства и надежды, спросил Мор.

Парень всё ещё надеялся, что епископ сейчас порадует его известием, что он всё же чародей. Но, как это часто (почти всегда) бывает, надежды эти оказались напрасны.

— Это значит, что твоё тонкое тело, а значит и ты сам, способно нейтрализовывать влияние извне. Другими словами — ты отчасти невосприимчив к эфиру. Жаль тебя расстраивать, но в твоём случае ни о какой предрасположенности к колдовству речи идти не может. Скорее наоборот: ты нейтрализатор эфира. В пределах твоей физической оболочки, конечно.

— Как же так... — неверяще потупился Мормагон.

Он до последнего надеялся, что произойдёт чудо, но все его надежды рушились, словно пресловутый карточный домик. Теперь уже точно: его единственный путь — это Церковь и

серая однообразная жизнь священника. Службы, проповеди и постоянные молитвы во славу Создателя и кого-то из его архангелов.

Мормагон вновь погружался в чёрную меланхолию, словно в болото липкого дёгтя.

— Я проведу тебя, — похлопав Мора по плечу, сказал отец Гавриил.

Глава 3

Пока экипаж трясся на пыльной дороге по пути в усадьбу, я погружался в размышления, пытаясь связать разрозненные нити своих соображений. Теперь поступление Мормагона в духовную семинарию не кажется такой уж серьезной проблемой. Да, риск был, но жить в этом мире, не принимая на себя смелых решений, было бы глупо. И, в конце концов, чем больше преград, тем значительнее могут быть награды.

Да и к тому же, насколько я знаю, Церковь — не просто святилище молитвы, но и мощный игрок в политических играх. Ее влияние охватывает не только сердца верующих, но и умы тех, кто принимает важнейшие решения на государственном уровне. И церковный сан мало чем уступает дворянскому титулу, создавая своеобразные связи, которые трудно переоценить.

Тот же епископ Гавриил вполне может общаться на равных не только с бароном, но и с каким-нибудь графом или даже герцогом, если потребуется. Его слова имеют вес, и они способны повлиять на ход событий. И что самое главное — у Церкви имеется выход на самых могущественных чародеев в Империи. Теперь нужно лишь провести Мормагона к вершинам церковной иерархии, где для него, а следовательно, и для меня, откроются новые возможности. Это будет не простой и весьма долгий путь к власти. Но я ведь и не рассчитывал обрести собственное тело за пару недель.

Примерно на половине обратного пути наш экипаж разминулся с пассажирской каретой извозчика, едущей в сторону города. Увидав ее, Мормагон едва заметно напрягся, почувствовав холодок между лопаток. И как выяснилось спустя полчаса, не зря.

Уже на подъездной дороге Мормагон заметил оживление, царившее на территории усадьбы. И оживление явно не было связано с завтрашним визитом графа Орлова. Это можно было понять по отсутствию баронессы, бранящей слуг не хуже капитана пиратской шхуны.

— Что происходит? — спросил Мор у конюха, когда покидал экипаж.

— Ваше благородие, — поклонился седой мужичок, — их благородие Петр и Константин приехали.

По спине парня прошелся табун мурашек. Он до последнего надеялся, что братьев не отпустят из академии на помолвку сестры. Но, по всей видимости, отец подключил свои связи и таки отпросил сыновей с учебы. Хотя он больше чем был уверен, что инициатива исходила от баронессы. Аврора Князева никогда не упустит шанс похвастать своими сыновьями. По крайней мере, двумя из них.

Покопавшись в подавленных воспоминаниях, я понял, отчего Мормагон не испытывал большой радости от приезда братьев. Что Петр, что Константин никогда не упускали возможность подшутить над младшим братом. Итогом большинства их шуток были синяки, ссадины и нередко разбитый нос. Поначалу Мор пробовал жаловаться отцу и матери, но первый ответил, что не собирается вмешиваться в их игрища, а если Мору что-то не нравится, то он сам должен решать эту проблему. И плевать, что проблема на пять лет старше и на две головы выше него. Мать же, как и всегда, не стала перечить отцу и просто закрывала глаза.

Каждый раз после жалоб на братьев его колотили с особым упорством, отчего он нередко валялся в постели пару дней кряду. И каждый раз он надеялся, что вот сейчас отец или матушка все же вмешаются и остановят это, но тщетно. Самым сильным наказанием, которым подверглись братья на памяти Мормагона, был запрет на посещение губернаторского бала. Причиной послужила нога Мора, которую он сломал после того, как Константин столкнул его с лестницы под залихватистый смех старшего брата. Да и то нагоняй братья получили не столько за сам проступок, сколько за наглость. Все это произошло на глазах у барона, о присутствии которого оба брата прекрасно знали.

Я вообще удивляюсь, как парень дожил до своих лет с такой-то семейной поддержкой. Но с братьями надо держать ухо востро.

Все семейство собралось в гостиной. Барон, с дымящейся трубкой и довольным выражением на лице, сидел в глубоком кресле, слушая сыновей. Те наперебой рассказывали какие-то байки из ученической жизни в военной академии под залиvistый хохот Анны и неодобрительное хмыканье матери. Впрочем, вид у баронессы был такой же довольный, как и у мужа.

Братья за прошедший неполный год, казалось, стали еще выше и шире в плечах. Они были очень похожи на отца. Тот же разрез глаз и волевой подбородок с ямочкой, такие же темные волосы, разве что чуть выющиеся, и те же самые губы, так старательно копирующие полуснисходительную отцовскую улыбку.

Появление нового действующего лица присутствующие в комнате заметили не сразу, увлеченные повествованием Константина. У него всегда был хорошо подвешен язык, и именно средний брат был заводилой среди них, придумывавшим наиболее каверзные и жестокие шутки.

Заметил его, что неудивительно, барон.

— Твои братья приехали поддержать сестру, — чуть повернув голову в его сторону, сказал отец.

— Всем доброго дня, — Мор перешагнул порог и замер в нерешительности.

Братья лишь мельком взглянули на него, после чего Константин продолжил прерванный появлением младшего брата рассказ:

— И тут я вижу, как из окна выпрыгивает сержант Бувалов. В картузе и при парадной сабле на поясе. Вот только казус в том, что помимо картуза и портупей из одежды на нем лишь носок, да и тот на сраме болтается, что твой чулок! — не выдержав, он расхохотался, утирая выступившие слезы.

Комната вновь огласилась смехом сестры. Баронесса, чуть румяная, смотрит на своих сыновей с шутливым укором, и непонятно, то ли это смущение, то ли эффект от содержимого ее бокала. Даже отец издает нечто, отдаленно напоминающее смешок. Лишь Мормогон остался безучастным, сохраняя холодную отстраненность и не решаясь предаться общему веселью. И это не укрылось от братьев.

— А как у тебя дела, Мормогон? — с ленивым интересом поинтересовался Петр.

— Спасибо, все хорошо, — односложно ответил парень, внутренне готовясь к очередным подколкам.

— Ага, как же, — фыркнула Анна. — Он в соборе сомлел, когда его очередь подошла к Оку притронуться. Позорище, — она зло глянула на него.

— Неправда! — воскликнул Мор, но было уже поздно.

Братья смерили его такими уничижительными взглядами, словно бы он в этот момент справлял нужду в центре городской площади. Тут не выдержал уже я.

Гнев моментально вскипел, вымывая огненным потоком всю меланхолию и неуверенность Мормогона. Разбуженный зверь оскалил клыки, наблюдая сквозь холодные прутья воли на людей в помещении. На этот раз он не вырвется на свободу, а оттого его жар опалял душу еще сильнее, заставляя полыхать пламя его ненависти.

— И это ты будешь рассказывать нам про позор? — наши голоса слились в унисон. — Сестра, прежде чем говорить про чей-то позор, убедись для начала, что никто не знает про твой! — он выплевывал каждое слово, словно порцию смертельного яда.

Не ожидавшая такой реакции Анна испуганно подалась назад. Да и прочие члены семьи смотрели на Нас оторопело, не привыкшие видеть тихого и вечно проглатывающего любые обиды Мормогона в таком состоянии. Не поменялся в лице лишь барон. Александр Князев изучающе смотрел на младшего сына, а после как ни в чем не бывало спросил:

— Ты узнал все что хотел у епископа?

Гнев утихал, более не нужный. Разбуженный зверь засыпал, сворачиваясь тугими кольцами в своей клетке. Пелена ненависти схлынула с глаз Мормагона, и он ответил отцу практически спокойным тоном:

— Да, отец, — он знал, что большего барон знать не желает.

— Хорошо, — кивнул отец. — Иди к себе. Ты устал и, верно, хочешь отдохнуть. Ужин тебе принесут в комнату, — все так же не меняясь в лице, велел глава семьи.

— Как скажете, отец, — Мор поклонился отцу и зашагал прочь из гостиной.

На самом пороге он услышал испуганный, полный ненависти голос сестры:

— В него будто бес вселился. Совсем из ума выжил.

До самого вечера никто не беспокоил Мормагона. Не зная, чем заняться в собственной комнате, не желая валяться в постели, парень достал из-под кровати шпагу. За неимением тренировочного манекена он выкатил из гардеробной обычный. Снял с него комплект одежды и принялся кромсать бедолагу клинком.

В отличие от своего тренировочного сородича, гардеробный не имел рук и ног, ограничившись головой и торсом. Вот в последний и приходились практически все выпады горехтовальщика. Хотя, если вспомнить вчерашний поход на ристалище, то различий между оппонентами он и не заметил. Нет — старался парень на все сто, ну, может, девяносто четыре процента, вот только толку без грамотного наставника не было никакого.

Меня терзал вопрос: что именно произошло в гостиной? Слова Мормагона были и моими одновременно. Благо, что парень не стал задумываться над смыслом, как, я надеюсь, и прочие Князевы. К счастью, фраза была сформулирована так, что слово «Мы» звучало, будто Мор говорил о всех присутствующих, а не только о себе и обо мне. Но впредь нужно следить, чтобы подобное не повторилось. Слишком много ненужного внимания можно привлечь, говоря о себе во множественном числе.

А еще это ощущение гнева. Вернее, та ассоциация, что зарождается где-то в глубине моего сознания. То, что это чувство именно мое, я был уверен абсолютно. Даже сейчас, если сконцентрируюсь, то могу почувствовать его — зверя. Скорее даже Зверя. Что-то, скрытое в глубине моего разума. Возможно, это та часть меня, что я не могу вспомнить. Моя сущность или что-то вроде того. Если это так, то кем я был в родном мире? Вот только каждый раз, когда я пытаюсь вспомнить, начинает дико болеть голова, вплоть до потери сознания. Благо, лишь моего.

В дверь постучались, заставив Мора отвлечься от несчастного манекена. Парень был весьма увлечен, чувствуя небывалый подъем сил. Он считал, что прекрасное самочувствие — результат потоков эфира, прошедших сквозь его тело. Но что-то подсказывало, что дело во мне. Две души в одном теле или нечто вроде того. Но факт остается фактом: с моим появлением Мормагон стал значительно крепче и выносливее.

— Можно мне войти? — за дверью раздался голос Авроры Князевой.

Баронесса, не утруждаясь получением хоть какого-то ответа, вошла. Она остановилась за порогом и окинула комнату сына изучающим взглядом, будто впервые тут очутилась. Она лишь слегка задержалась на фигуре Мора, после чего прошла внутрь и аккуратно села на край кровати.

— Что-то случилось, матушка? — слегка удивленно спросил парень.

— Сын, нам нужно поговорить, — подпустив пару градусов тепла в голос, сказала она.

— О чем? Если ты о том, что произошло в гостиной, то знай, что извиняться перед Анной я не намерен, — он скрестил руки, глядя прямо в глаза матери.

— Присядь рядом, — баронесса похлопала ладонью по кровати рядом с собой.

Недоверчиво глядящий на мать Мор медленно подошел и опустился рядом. Он сильно нервничал от происходящего. Мать никогда не приходила к нему в комнату, чтобы поговорить. Обычно она присылала служанку, и Мор сам шел к ней на разговор.

— Послушай, сынок, — ладонь баронессы легла на его плечо. — Я понимаю твои чувства, и мне действительно очень жаль, что все так обернулось. Я пыталась поговорить с твоим отцом, но ты же его знаешь... — она грустно вздохнула, а ее ладонь начала поглаживать плечо сына. — Ты имеешь полное право злиться на нас с отцом, я понимаю и полностью принимаю это. Прошу лишь об одном, — она пристально посмотрела в лицо Мормагона, и в ее больших карих глазах было столько материнской любви, что парень едва не заплакал. — Пожалуйста, не злись на свою сестру. Я понимаю, что она не идеал, но, несмотря на это, она всё еще является частью твоей семьи. Она твоя сестра, и роднее нее и ваших непутевых братьев у вас никогда никого не будет в этом мире, — ее ладонь переместилась ему на затылок, пальцы перебирали пряди. — Анна, зайти, дорогая.

В комнату вошла красная, как спелый томат, сестра. Она, переминаясь с ноги на ногу, встала перед ними и взглянула в лицо брата. В глубине ее глаз промелькнула тень досады, и она тотчас опустила взгляд вниз и в сторону.

— Анна? — ласково, но с легким нажимом в голосе поторопила ее мать.

— Прости меня, — тихо, не поднимая глаз, сказала Анна. — Я была неправа, и мне жутко стыдно. Просто я очень волнуюсь из-за предстоящей помолвки...

— Что скажешь, сынок? Сможешь простить свою глупую сестру? Я не хочу, чтобы вы ссорились, тем более накануне такого знаменательного для всей нашей семьи события.

Я искренне хохотал. На Земле баронесса могла бы сделать карьеру актрисы. Если бы мог — аплодировал стоя. Вот так просто и незатейливо подкупить собственного сына мнимой заботой — это надо уметь. И ведь пацан повелся на этот спектакль. И что самое печальное, он понимал где-то внутри себя, что все это лишь игра, но искренне гнал от себя эту мысль.

— Х... хорошо, — на лице парня появилась робкая улыбка. — И ты меня прости, Анна. Я не должен был срывать на тебе.

— Прощаю тебя, братец, — Анна мило улыбнулась.

Семейную идиллию разрушил очередной стук в дверь. На пороге показалась вездесущая Евдокия с подносом в руках. Девушка застыла в проеме, не ожидавшая застать тут баронессу с Анной. Впрочем, она быстро справилась с неожиданностью:

— Госпожа, — несмотря на поднос в руках, служанка умудрилась глубоко поклониться.

— А, Евдокия, — заметила прислугу баронесса. — Ужин уже готов, я полагаю?

— Да, ваше благородие, — не поднимая глаз, ответила служанка. — Маришка заканчивает накрывать на стол. Господин барон велел мне отнести ужин для господина Мормагона.

— Что ж, — баронесса встала, оправляя бирюзовое платье. — Я очень рада, что мы поговорили обо всем, сынок, — она потрепала его по золотым вихрам. — Жаль, что ты не сможешь присутствовать за ужином. Твой отец порой совершенно невыносим. Уверена, что уже завтра он ни о чем и не вспомнит, — она наклонилась и очень нежно поцеловала сына в макушку. — Приятного аппетита, дорогой, — баронесса повернулась ко все еще стоящей рядом Анне. — Идем, пока отец не взбеленился, — и они вышли за дверь, оставив Мормагона в аху... в смешанных чувствах.

Какое-то время Евдокия молча стояла, давая Морю прийти в себя хоть немного. Он все так же сидел на краю своей кровати, ощущая под левой ладонью тепло на том месте, где сидела баронесса.

В душе парня смешались столь противоречивые чувства, что, не ровен час, и пар из ушей валить начнет. Он не был полным идиотом и понимал, что главной причиной визита матери был завтрашний приезд графа. А вернее, та информация, которую Мор узнал непосредственно от всплывшей матери, касаясь Анны.

В случае, если граф или его отпрыск узнают от кого-то третьего, что будущая невеста уже делила постель с мужчиной, то все можно будет списать на злые языки. Тем более что

чародей-целитель все исправил. Но если эту информацию им поведаст родной брат невесты, да еще и с уточнением, что партнеров было как минимум пять, то тут уже все сильно сложнее.

Тихо такую помолвку расторгнуть уже не выйдет. Граф позаботится, чтобы все знатные фамилии узнали о порченной дочери барона Князева и его попытках выдать ее замуж.

Он все это понимал, но все равно цеплялся за соломинку надежды. В который раз. Как ни посмотри, но Мормагон Князев был всего-навсего шестнадцатилетним мальчишкой, искренне жаждущим любви и поддержки родителей.

— Она вас очень сильно любит, господин, — тихий голос Евдокии вернул Мормагона в этот бренный мир.

— Что? — он оторвался от созерцания того места, где минуту назад сидела его мать.

— Ваша матушка, — чуть смущаясь, сказала девушка. — Она старается быть холодна с вами, но я вижу, как тяжело ей это дается, — она подошла к постели и поставила поднос рядом с Мором. — Вот, — она подняла крышку, под которой скрывался его ужин. — Я зайду, как приберу за господами в обеденной, — она посмотрела на Мора и вышла за дверь.

Мормагон просидел до полуночи, но Евдокия так и не появилась. Поднос с практически нетронутым ужином он оставил у дверей и улегся в кровать. Уснул он, на удивление, быстро, провалившись в нервное забытие, где и провалялся до самого утра.

Я же, как и прежде, не нуждался во сне, коротая ночное время за планированием и просмотром воспоминаний парня. Нужно было себя хоть чем-то занять, чтобы не сойти с ума от скуки. Легкий скрип дверных петель я услышал далеко за полночь, если мои внутренние часы не врали. Мор спал, хоть и не слишком крепко, но все же не проснулся. В ночной тишине раздался стук подошв и шуршание одежды. Кто-то прошел в комнату. Этот неизвестный не двинулся дальше порога, потоптавшись на месте. Я не стал пробовать разбудить парня, так как не думал, что нам может что-то всерьез угрожать в усадьбе. Скорее всего, это Евдокия зашла забрать поднос с грязной посудой. Только почему так поздно? Через минуту дверь снова скрипнула, возвестив о том, что гостя покинула помещение.

Проснулся парень рано. Алфсхир едва начала светиться за горизонтом, когда Мормагон, закончив делать утреннюю зарядку, вышел на улицу. Как и вчера, свой день он решил начать с тренировки, раз уж состояние организма к тому располагало. На площадке в столь раннее утро никого, кроме манекенов, не наблюдалось, что неудивительно. Отец погонит сюда братьев только после завтрака, как всегда это делал. Так что часа полтора у него в запасе имеется.

Мормагону очень не хотелось встречаться здесь ни с отцом, ни, тем более, с Петром и Константином. Ничего, кроме недовольства со стороны барона и насмешек от братьев, это не принесет.

На отработку ударов парень потратил около часа. Сегодня в качестве жертвы он выбрал манекен, одетый в старый доспех. Металлическая кираса, местами покрытая ржавчиной, была испещрена десятками выправленных следов от удара клинком. Такие же украшения носили и наплечники, и пластинчатая юбка. Про шлем и говорить не приходилось. Незащищенными оставались лишь узкие щели в местах сочленения да суставные сгибы.

Вообще, такие латы не носили уже лет как сто, отдавая предпочтение легким пластинчатым доспехам, не ограничивающим подвижность бойца так сильно. А этот антиквариат служил лишь для отработки точности.

Попадать в щели между частями доспехов у Мора выходило в трех случаях из пяти. И это при условии, что латный болван стоит неподвижно, не перемещаясь в пространстве, как это будет делать живой противник. Да, сила удара у парня значительно подросла с моим появлением, но все равно, как по мне, оставляла желать лучшего. Слишком долго его организм находился в состоянии постоянного истощения.

Мормагон и сам начал замечать, что помимо улучшившегося самочувствия возросли и его физические показатели. Это не могло не воодушевить парня, отчего в его дурную голову начали лезть такого же характера мысли.

Он все еще не желал становиться священником и искал хоть малейший предлог вновь попробовать переубедить отца. И, как ему начало казаться, этим предлогом могло стать его поправившееся здоровье.

Если так дело пойдет и дальше, то вскоре он окрепнет достаточно, чтобы суметь поступить на воинскую службу. Ему, как отпрыску благородной фамилии, дадут патент на обучение в сержантской школе, после чего запишут в младший офицерский состав. А дальше два года службы на границе или год у Барьера, после чего он сможет или продолжить службу, как в свое время отец, или же получит грант на обучение в одном из университетов. План надежный, как дварфские часы.

— Должно сработать! — душевный подъем влил в него еще порцию силы, и он сделал очередной выпад. — Н-на! — острое шпaги врезалось в сетку забрала, и металл доспеха не выдержал, разойдясь перед каленой сталью клинка.

С противным скрежетом и глухим лязгом конец шпaги встретился с задней стенкой шлема, продавив ту наружу. Ошарашенный этим Мор обошел манекен по кругу, рассматривая работу своих рук.

Я бы добавил, что тут, помимо самого Мормагона, поработали еще дождь, время и коррозия, но вряд ли хоть какие-то доводы могли бы омрачить его ликование. Теперь, взглянув на материальное подтверждение своих ожиданий, он почувствовал, как его наполняют уверенность и азарт. В голове Мормагона уже сложилась картина его нового будущего. Он видел цель, а препятствия казались ему чем-то несущественным.

За завтраком, к которому Мормагон пришел последним, никто не обмолвился и словом о вчерашнем инциденте. Братья рассказывали последние столичные новости, из тех, что не напечатают в газете, матери с сестрой. Отец сидел во главе стола, отпивая кофе из дымящейся чашки, время от времени отправляя вслед за напитком соленое печенье, к которому имел маленькую слабость. Практически семейная идиллия.

Мормагон сидел как на иголках, уплетая свой завтрак с таким аппетитом, что это не могло не укрыться от матери.

— Ты куда-то торопишься? — спросила баронесса, странно глядя на сына.

— Нет, матушка, просто сильно проголодался, — он улыбнулся ей. — Я вообще чувствую себя другим человеком. Все же обряд в соборе что-то такое со мной сделал.

— Ты снова за старое? — недовольно спросил барон.

— Что? А, нет, отец, — покачал головой Мор. — Я не про магию. Просто я больше не чувствую постоянной усталости. И мышцы не ноют от малейшего усилия поднять что-то тяжелее чашки с чаем.

— Там ныть просто нечему, — буркнул в кружку Константин.

Но Мормагон, опьяненный новыми надеждами, не заметил слов брата.

— Отец, я думаю... ну, может, я все же смогу записаться в армию...

— Нет. Ты отправляешься в монастырь. Точка. Я думал, что эта тема закрыта и обсуждать тут нечего? — барон недовольно взглянул на него.

— Так и было! — эмоции распирали парня. — Я знаю, что ты считаешь, что я слаб...

— Я не считаю, что ты слаб. Я знаю это.

Обида и злость наполнили Мормагона до самых краев. После успехов на тренировке слова отца были словно пощечина.

— Сегодня утром! — эмоционально выпалил он. — Я сумел пробить забрало на манекене! Обычной шпaгой! Я стал сильнее! — Мор пристально вглядывался в лицо отца, пытаясь найти там хоть какой-то отклик на его слова.

— И что с того? — спокойно ответил барон. — Это забрало я могу пробить мизинцем — оно насквозь проржавело.

Остальные члены семьи, словно зрители в театральном зале, следили за ходом их разговора, не вмешиваясь. Константин попытался было влезть с очередной остротой, но под тяжелым взглядом отца тут же умолк.

Мать смотрела на Мормагона так, словно впервые того видела. Еще бы. Еще никогда младший сын, впрочем, как и старшие, не позволял себе так разговаривать с отцом. Александр не терпел препирательств и оспаривания своих решений.

— Еще неделю назад я бы даже память его не сумел. А сегодня пробил, — и не думал униматься Мор.

— Ну, допустим, ты прав, — сделав очередной глоток, начал рассуждать барон. — Предположим, что те потоки эфира, что прошли через тебя, каким-то образом усилили твоё тело. А ты не думал, что этот эффект может оказаться... ну, я не знаю... скажем, временным?

— Я уверен, что... — начал было Мормагон, но был перебит отцом:

— Уверен, что эффект не спадет, скажем, завтра? Или послезавтра? А может быть, через неделю? Или пару месяцев, когда ты уже будешь нести караул где-то на границе с Ладешем? Что тогда? Попросишь отвести тебя в ближайший храм, чтобы вновь испытать удачу? — отец гневно воззрился на него.

Честно сказать, хоть папаша Мора и редкостный мудак, но он мудак с логикой. Я был с ним в чем-то согласен. Парень, явно, возлагал слишком большие надежды на неожиданно свалившуюся благодать, не понимая ее природы. И делать на нее ставку — это идея так себе.

Но парень, в отличие от остальных родственников, все же нашел в себе каплю решимости, чтобы дать барону отпор.

— Но я хотя бы попытаюсь!

— Хочешь попытку? — задумчиво ухмыльнулся отец. — Что ж, я дам ее тебе, — с этими словами он встал со своего места. — За мной.

Отец привел его на площадку, где этим утром проходила его тренировка. По пути барон заглянул в оружейную, где взял пару пехотных сабель и легкий круглый щит. Себе он оставил лишь саблю, велел Мормагону закрепить щит на левой руке.

— Зачем он мне? — парень приподнял левую руку, на которой висел слегка выпуклый диск около полуметра в поперечнике.

— Затем, что это стандартный комплект для солдата. Или ты думал, что на поле боя сражаются шпагами? Щит нужен, чтобы отражать удары вражеских клинков и, если повезет, поглотить или отвести в сторону чародейский снаряд.

За пределами круга в нетерпеливом ожидании стояли остальные члены семьи. Мать, чуть бледная, сжимала в руках скрученный в тугой рулон журнал, сверля глазами мужа. Петр с Константином, напротив, вид имели веселый. Братья, по всей видимости, сторали от нетерпения увидеть, как отец будет колошматить Мормагона. Что касается Анны, то она выпала из поля зрения парня.

— Будешь атаковать или обороняться? — поигрывая кривым клинком, спросил барон.

В ушах парня зашумела кровь, прильнувшая к лицу. В голове набатом бился частый пульс, а ноздри трепетали, жадно вбирая кислород. Ему было страшно. Он впервые стоял против живого противника. К тому же все усугубляло то, что этим противником был его отец.

Мормагон понимал, что у него нет и сотой доли шанса выстоять даже пару секунд против барона, но отступать было поздно. Он должен ему доказать, что на что-то способен.

Липкие от пота пальцы сжали рукоять сабли. Оружие непривычное, немного тяжелее, да и ощущается абсолютно по-другому, нежели шпага. Мор шагает вперед, заноса клинок и одновременно прикрывая левый бок щитом. Сабля летит на неподвижно замершего отца. Нет! Сейчас — это его противник!

Свист рассекаемого воздуха заглушает металлический лязг, с которым барон принимает оружие сына на жесткий блок. Руку Мора отсушивает до сгиба локтя. Барон презрительно ухмыляется и отбрасывает его назад на два шага.

— Отвратительно. Словно деревенский мужик, решивший нарубить дров, — барон сплевывает себе под ноги. — Еще!

Запястье правой руки слегка ноет, но онемение уже почти прошло, и парень вновь идет в атаку. На этот раз он держит саблю параллельно земле, устроив на кромке щита, которым прикрыл фронт.

Шаг — другой и резкий выпад. Острые летит прямо в лицо барона, все еще не сдвинувшегося с места. Момент удара Мор не увидел, лишь почувствовал, как его клинок вместе с рукой уводит вправо. А в следующее мгновение нога противника впечатывается в щит, опрокидывая его на спину. Неровный булыжник с силой бьет в спину и затылок. В голове распускается яркий цветок боли.

— Как ты собрался служить Империи, если даже не можешь стоять на ногах? — насмешливо спросил барон. — Поднимайся. Или ты сдаешься?

— Нет! — скрежетнув зубами, парень вскочил на ноги, подбирая выпавшую во время удара саблю.

— Ну так атакуй, — Александр поманил его пальцем, как щенка.

Зарывав, Мормагон ринулся в атаку. Он не стал идти в лобовую, решив зайти с левого фланга. Отец, по всей видимости, решил максимально его унижить, не сходя с места. А значит, этим нужно воспользоваться.

Мор рубанул горизонтально, от левого плеча — так, чтобы удар было максимально неудобно парировать правой рукой. Сабля рассекла воздух и понеслась в сторону поясницы противника, но барон крутанулся на месте, словно заправская балерина, и вновь принял удар сына на жесткий блок.

Мормагон напрягся, навалился всем своим весом, продавливая блок, но с таким же успехом он мог попытаться сдвинуть стену усадьбы. Рука барона даже не шелохнулась, сдерживая его.

— Что ты делаешь? — Александр взглянул в глаза сына.

— Заткнись! — он размахнулся и попытался ударить кромкой щита.

Что-то с жестокой силой врезалось ему в правое ухо. Сабля выпала из пальцев, звякнув о камень, а сам он упал на колени. Перед глазами все плыло, а к горлу подступал недавний завтрак, норовя покинуть столь беспокойный организм. В голове к шуму крови присоединился еще один звук — тонкий комариный писк, звучавший где-то в мозгу.

— Александр! — где-то вдалеке Мор услышал выкрик матери. — Ты же его так убьешь! — ее голос доносился как будто из-под водяной толщи.

— Ничего с ним не будет, — отвечал отец. — Будет знать, что за свои поступки нужно отвечать.

Мор оперся на щит и, пошатываясь, начал подниматься на ноги. Перед глазами все плыло, словно в пьяном хороводе. Отец, словно призрак из кошмара, распался на резкие контуры. Контуженный парень мотнул головой, пытаясь вернуться в реальность.

— С тебя достаточно? — барон чуть склонил голову влево. — Или продолжим? — сабля описала восьмерку столь быстро, что слилась в единую серебристую линию.

Мор поднял саблю и зло глянул на него. Гул в голове все нарастал, дыхание стало хриплым. Парня потряхивало от плескавшегося в крови адреналина и желания во что бы то ни стало доказать отцу...

— Это твой выбор. Теперь атакую я — защищайся, — первый же удар барона выбил клинок из руки.

От вложенной силы сабля улетела к самой границе площадки, а руку едва не вывернуло в запястье. Второй удар он нанес ногой, вновь опрокидывая Мормагона на спину. Третий пришелся на подставленный щит, брызнувший деревянной щепой. Ударить в четвертый раз он не успел.

— Прекрати, Александр! — вновь раздался крик баронессы.

— Не вмешивайся! — рявкнул на супругу барон Князев. — Он должен уяснить, где его место! Он слаб и всегда будет таким.

Барон отвлекся. Всего на мгновение, но отвлекся. Лишенный клинка, Мормагон использовал единственное, что у него сейчас было. Щит врезался разбитой кромкой в сапог отца. Лопнувшее ранее металлическое кольцо, окаймлявшее щит, и теперь торчащее двумя кусками порванного металла, вонзилось в стопу. А в следующую секунду Мормагон услышал резкий, безжалостный свист рассекаемого воздуха.

Его отбросило в сторону, с силой приложив о каменный пол. Кипевший в крови адреналин не позволил ему потерять сознание, и он увидел щит, торчащий из отцовского сапога. Видимо, от удара его рука выскользнула из ремней и, скорее всего, сейчас сломана. Пальцы на ней онемели и не желали сжиматься в кулак, лишь глухая боль чувствовалась где-то в районе локтя.

— Не-е-е-ет! — крик баронессы в третий раз огласил окрестности. — Что ты натворил?!

Мормагон непонимающе поводит гудящей, словно рассерженный улей, головой из стороны в сторону, пытаясь собрать мысли в кучу. Выходило неважно. Неужели мать так раскричалась из-за... И тут его взгляд остановился на щите, который барон вынул из раны на ноге. Вернее, на руке, все еще сжимающей рукоять умбона. Его руке.

Парень перевел не верящий взгляд на левую руку, но увидел лишь кровоточащий обрубок. Руки ниже локтя у него больше не было. На этом моменте сознание Мормагона все же сжалилось и отправило его в бессознательное состояние. А вслед за ним туда же канул и мой разум.

В себя я пришел раньше хозяина тела. Нос улавливал странные химические запахи, а до ушей доносились приглушенные голоса. Мора, скорее всего, привезли в городскую больницу, где ему могли оказать необходимую помощь.левой руки парня я не ощущал, но это могло быть следствием обезболивающих препаратов, так что паниковать пока еще рано.

Голоса усиливались по причине приближения ко мне ртов, их издающих. И вскоре у меня даже вышло вычлениить из них некоторые мне знакомые.

— Что значит, не можете прирастить? — холодно вопрошал барон.

— Я же вам говорю, Александр, — второй голос незнакомый, но явно принадлежит мужчине в возрасте. — У вашего сына феноменальное сопротивление эфирному воздействию. Прирастить конечность — это и так весьма нетривиальная задача, но в случае Мормагона... — он замялся, подбирая слова. — В общем, чародеи, у которых хватит силы и мастерства вернуть его руку на прежнее место, есть лишь в столице. Мне очень жаль.

— Проклятье, — зло бросил барон.

— Я закрыл рану и как мог залечил культю, но он потерял слишком много крови.

— Он не приходил в себя? — третий голос принадлежал баронессе.

— Нет, — ответил лекарь. — Мы дали ему специальный препарат, не позволяющий очнуться. Болевой шок еще слишком силен, и будет лучше, чтобы он какое-то время находился в покое.

— Как долго? — уточнил Александр Князев.

— Думаю, еще пару дней, — задумчиво, растягивая слова, сказал врач. — Но и после того, как он очнется, ему необходимо хотя бы седмицу побыть под моим наблюдением.

Продолжая обсуждать состояние Мора, они вошли в помещение, где лежал парень. Кто-то, скорее всего баронесса, начал поглаживать его по волосам.

— Он такой бледный, — раздался над самым ухом голос Авроры.

— Как я и сказал ранее, он потерял много крови. Сейчас его жизни больше ничего не угрожает. Капельница с эссенцией жизни быстро поставит его на ноги.

— Вы же сказали, что эфир на него воздействует очень слабо? — задал вопрос барон.

— Верно, — подтвердил свои слова доктор. — Эссенция жизни не является веществом на основе эфира. Ее получают из трав и существ, измененных эфиром. Она лишь подстегивает организм пациента к ускоренной регенерации тканей и улучшает усвоение питательных веществ...

— Понял-понял, — перебил явно начавшего увлекаться доктора Александр.

— Ладненько, — тихий хлопок в ладоши. — Ему сейчас нужен покой. Да и вам тоже. Езжайте домой, а как только он очнется, я тут же дам вам знать.

Что я могу сказать. Дальнейшее прошло так, как и описывал доктор Урман. Как оказалось, тем врачом, к которому привезли покалеченного Мормагона, был не кто иной, как чародей, неоднократно латавший промежность его сестры.

Первые два дня, когда парень лежал пластом на кровати, были самыми мучительными за все время в этом мире. Я перебирал память Мормагона, пытался вспомнить что-нибудь из своей прошлой жизни, пел песни и так по кругу. Порой складывалось ощущение, что меня заперли в деревянном ящике, закопанном глубоко под землей. Если честно, то чувство так себе.

Чуть веселее стало, когда Урман решил, что пришло время будить пациента. Я почувствовал, как к носу поднесли нечто, по сравнению с чем нашатырный спирт — это вершина парфюмерного искусства.

Мормагон очнулся тут же, широко распахнув глаза. Он попытался вскочить, но был остановлен кем-то из медиков. Организм очнулся, но разум еще не до конца осознавал реальность, из-за чего парня дезориентировало.

— Тише, молодой человек, тише, — таким тоном успокаивают лошадей.

Доктор Урман обхватил лицо Мормагона руками и поймал зрительный контакт. Синие глаза чародея будто излучали пульсирующий свет, гипнотизируя парня.

Мормагон перестал вырываться, в его голове начала появляться осмысленность. Он помотал все еще ватной головой, пытаясь окончательно прийти в себя. Получалось не ахти как. Последствия сотрясения, коим наградил его отец во время поединка.

Хотя какой это был поединок? Барон попросту размазал его тонким слоем, не сходя с места. Но и он все же сумел достать его. Пусть не клинком и лишь из-за пренебрежения самого противника, но все же.

Воспоминания о произошедшем врезались в голову тяжелым тараном. Свист сабли и липкое чавканье плоти. Его плоти.

Он медленно, холодея от нарастающего ужаса, опустил глаза к левой руке. Вспышка всепожирающей паники. Он медленно поднял руку. Вернее, то, что от нее осталось. Перед глазами Мормагона была перебинтованная культя. Все, что ниже локтя, как, собственно, и сам сустав, отсутствовало.

— Нет! — он зажмурился до искр в темноте. — Нет, нет, нет, нет!

— Спокойно, молодой человек, — все тем же тоном вновь возвестил о своем присутствии доктор. — Вы живы, а это сейчас самое главное, — он крепко сжал его правую руку.

— Моя рука! — по щекам Мормагона потянулись липкие дорожки слез. — Где моя рука?

— Сожалею, но у нас не вышло ее прирастить, — Урман не отпускал его. — Дмитрий, вколите ему успокоительное, — тон не изменился.

Легкий укол в области шеи Мор даже не заметил, в отличие от меня. По телу прокатилась едва заметная волна, и нарастающая, словно цунами, истерика схлынула.

Из Мормагона словно вытащили стержень. Он разом как-то сдулся и апатично взглянул сначала на Урмана, затем на его помощника, и затем взгляд его вернулся к культе. Он аккуратно дотронулся до обрубка здоровой рукой. Сначала до плеча, затем ткнул в бицепс и, не почувствовав боли, дотронулся до края культы.

Потыкав в нее пару раз, он посмотрел на все еще стоящего рядом Урмана и спросил:

— Что мне теперь делать? — в голосе отсутствовал даже малейший намек на эмоции.

— Ну, для начала, вам нужно отдохнуть и набраться сил, господин Мормагон. Руку можно будет восстановить в столице. Да, это значительно дороже, чем если бы нам удалось приживить вашу родную конечность, но все же, — попытался успокоить его врач.

— Дороже? — Мор поднял взгляд на Урмана. — О какой сумме идет речь?

Доктор задумался, постукивая указательным пальцем по нижней губе.

— Если мне не изменяет память, то восстановление конечности стоит около десяти тысяч солтов. В вашем случае, думаю, сумма будет выше. Процентом на десять-пятнадцать.

— Ахахаха... — несмотря на препарат, в смехе Мормагона отчетливо слышалась обреченность.

— Понимаю, сумма немалая, но и вы еще очень молоды. Главное, что вы живы, а деньги, как говорится, — дело наживное, — доктор посмотрел на помощника, все еще стоящего рядом с кроватью. — Дмитрий, пойдемте. Молодому человеку нужно прийти в себя. А вы, Мормагон, отдыхайте. Как я уже говорил, вам нужно набираться сил.

Когда Урман с Дмитрием закрыли за собой дверь, Мор обессилено рухнул обратно на постель. Препарат действовал крайне странно. Успокоительное убило всякое желание делать хоть что-то, помимо лицемерия белого потолка над головой, но вместе с тем разум оставался кристально прозрачным. Парень очень сильно сомневался, что отец выделит ему не то что десять, но и хотя бы одну-две тысячи солтов.

Десять тысяч солтов — это было сопоставимо с годовым содержанием их усадьбы, включая зарплату прислуги и все прочие расходы. Сумма просто астрономическая. Да за такие деньги можно было купить самоходный экипаж или малый парусник.

Мормагон лежал и думал. Он думал над своей дальнейшей судьбой. По всему выходило, что у него теперь лишь один путь — монастырь. И даже там послушнику с покалеченной рукой будет крайне трудно добиться хоть какого-то положения. Одним неловким движением отец отнял у него все. Ему больше не к чему было стремиться и, если так задуматься, то и жить было незачем.

Не знаю, куда бы привели такие размышления Мормагона, но я решил вмешаться. А то, чего доброго, он и правда решит вскрыть себе вены в таком-то состоянии.

— Незачем жить? Не к чему стремиться? Вздор! Ты сдохнешь на этой койке, и для чего? Чтобы подтвердить их сраные суждения о тебе? Чтобы доказать, что ты — всего лишь никчемный отброс? Это что, твоя судьба?! Или, может, ты решишь смириться с тем, что мир считает тебя слабым? Нет! Ты не покоришься! Ты выступишь, и пусть все эти ничтожества пожалеют, что осмелились тебя недооценивать! Монастырь? Что ж, перед архиепископом склоняют головы даже князья! Ты вырвешься из этого болота и станешь могуществом, с которым будет считаться каждый! Пусть мир трепещет перед твоей силой!

Душа Мормагона вострепелась, и апатия схлынула. Мысли, до этого кружившиеся вокруг суицидальных размышлений, сменили вектор. Если уж судьба распорядилась, что ему суждено стать частью Церкви, то так тому и быть. Но он доберется до самых вершин церковной иерархии и станет по-настоящему весомой фигурой, с которой придется считаться всей

Империи. А рука... Что же, десять, двадцать или пятьдесят тысяч солтов — для архиепископа ничего не значат. Так что руку он себе вернет, дайте только время.

Кажется, я слегка перестарался со своей мотивацией. Парень так воодушевился, что попросил у доктора Урмана, зашедшего на осмотр, Священное писание. Старичок даже впал в ступор на какие-то пару секунд, но быстро справился с собой и велел принести пациенту требуемое.

Кроме Урмана, гостей у парня за весь день больше не было, и он всецело посвятил себя изучению принесенной книги. Я особо не вникал в содержание местной библии. Основные вещи мне были знакомы из памяти Мормагона, а углубляться дальше я пока что смысла не видел.

Местная религия основывалась на том, что в незапамятные времена Создатель, или Творец, создал вселенную и все миры, обитающие в ней. Он лепил один мир за другим, вдыхая в них жизнь в виде всевозможных тварей, разумных и не очень.

В одном из таких миров и появились демоны — зараженные грязным эфиром и хаосом существа, жаждущие власти и разрушений. За тысячелетия, пока Создатель делал новые планеты и галактики, демоны расплодились и принялись захватывать один мир за другим, в том числе и Дагас. И чтобы справиться с этой напастью, Творец создал семерых Архангелов, так как сам не мог причинять вред живым созданиям.

Архангелы собрали воинство света из душ погибших разумных и начали вычищать миры, уничтожая демонов. А еще наделили людей способностью управлять божественной энергией, питающей вселенную, — эфиром, чтобы и они могли постоять за себя. Так бы все и закончилось, если бы один из архангелов не встал на защиту порождений хаоса.

Демоны признали его своим богом, что наделило Маллума силой, сопоставимой с общей силой остальных архангелов. И с тех пор воинство света сражается с армией тьмы, периодически напоминая о себе прорывами демонов из-за грани мира. Это, если вкратце. А так, там толстенный фолиант на пару тысяч страниц формата А4.

Гости прибыли на следующий день. В сопровождении доктора Урмана в палату вошли двое. Одного из них Мор знал — это был отец Гавриил, епископ Софиевского собора. А вот второго человека он видел впервые.

Это был невысокий мужчина, лет тридцати на вид, одетый в дорожный костюм серого цвета. Лицо простое, гладко выбритое и какое-то открытое, располагающее к себе. Взгляд при этом очень внимательный, цепкий. При всей простоте и открытости, мне отчего-то очень не хотелось бы встретиться с ним взглядами.

— Это и есть то дарование, про которое ты мне писал? — голос у незнакомца был хриплый, словно бы он был простужен.

— Именно, — кивнул в ответ епископ. — Здравствуй, Мормагон.

— Здравствуйте, — не понимая, что происходит, поздоровался парень.

Невысокий блондин, отстранив с пути Урмана, первым подошел к кровати и встал, нависая над Мором. Взгляд холодных зеленых глаз прошелся по его фигуре, задержавшись на том месте, где еще пару дней назад была левая рука.

— У него же руки нет, — констатировал очевидное незнакомец.

— Когда я тебе писал, она была при нем, — пожал плечами епископ. — В любом случае, что это меняет?

Мормагон переводил взгляд с незнакомца в сером костюме на отца Гавриила и обратно.

— Кто вы и что происходит? — все же решил спросить парень.

— Лев Панкратович, прошу, оставьте нас, — очень вежливо, но вместе с тем неуклонно попросил епископ.

Непривычно молчаливый доктор с толикой жалости глянул на своего пациента и без лишних споров покинул палату, плотно прикрыв за собой дверь.

Епископ, удостоверившись, что Урман отошел достаточно далеко, чтобы не слышать их разговора, подошел и встал рядом с блондином. Тот все так же неотрывно изучал Мормагона, словно придирчивый покупатель, которому пытаются сплавить неликвидный товар по завышенной втридорога цене.

— Мормагон — это отец Серафим. Он прибыл за тобой, чтобы доставить в Чергородскую семинарию, — представил своего спутника епископ.

— Но почему так рано? Отец говорил, что мой отъезд назначен только на конец месяца, — не отрываясь от неподвижно стоящего рядом отца Серафима, спросил Мор.

Вместо епископа ответил отец Серафим:

— Ситуация изменилась. Отец Гавриил сообщил нам, что ты обладаешь крайне высокой сопротивляемостью к воздействию на разум. Такой талант может быть очень полезен для Церкви, если, конечно, отец Гавриил ничего не напутал, — недовольно прокаркал он. — В любом случае, мне было велено сопроводить тебя в монастырь для дальнейшей проверки и вынесения окончательного решения. Так что собирайся.

Выходит, что внимание к себе мы все же привлекли. Из-за того, что я не дал просканировать Мора, епископ посчитал, что парень обладает устойчивостью к магии. Мало того, он еще и сообщил об этом в монастырь, а те прислали своего человека.

Хорошо это или плохо, судить пока рано. Для начала нужно пройти какую-то проверку в монастыре. В чем она будет заключаться и сможем ли мы ее пройти? Хороший вопрос, ответа на который у меня нет. В любом случае, деваться нам уже некуда.

— Сейчас? — не поверил своим ушам Мормагон.

— Да. Доктор Урман сказал, что ты достаточно восстановился и более не нуждаешься в постоянном наблюдении.

— А что насчет моих родителей?

— Они в курсе, — ответил ему епископ. — Все твои документы уже у меня, — он похлопал рукой по дорожной сумке, которую все это время держал в руках. — Здесь твоя одежда.

— Вот как, — грустно ухмыльнулся Мор. — Все ясно... Дайте мне пять минут.

Церковники вышли, оставив у кровати сумку с вещами. Мормагон сделал глубокий вздох, унимая, не без моей помощи, накатившую волну обиды, и принялся вытаскивать одежду.

Одеваться, используя лишь одну руку, — занятие крайне утомительное, особенно если делаешь это впервые. Поэтому, когда Мормагон вышел из палаты, вид у него был такой, словно его гоняли собаки. Мало что в его растрепанном образе походило на отпрыска дворянской фамилии, кроме качества самой одежды.

Оба церковника ждали его там же, устроившись на скамье в коридоре. При виде растрепанного подопечного Серафим скривился, но промолчал, тогда как епископ не сумел сдержать короткий смешок.

— Я готов, — подойдя к ним, сказал Мор.

— Да я уж вижу, — прохрипел отец Серафим. — У моей бабки, мир ее праху, в огороде чучело стояло, так вот оно, — он многозначительно хмыкнул, — вид имело более благообразный.

— Не очень-то удобно, когда рук не хватает, — огрызнулся на него парень, закидывая на плечо сумку.

— Это твои проблемы, — пожал плечами церковник. — Ладно, у нас поезд через полчаса, так что надо торопиться.

Вокзал находился на окраине города. Это было большое куполообразное здание, увенчанное длинным шпилем с огромным золотым шаром в навершии. Время от времени шар на короткое время разгорался зеленым сиянием, возвещая о прибытии очередного поезда.

Мормагон вместе с отцом Серафимом и епископом стоял на перроне, ожидая скорого прибытия поезда. Тот, если верить часам на столбе, должен был прибыть с минуты на минуту.

Вот только мыслями Мормагон был далеко от вокзала. Он то и дело возвращался к разговору с матерью, когда она убеждала его в важности семейных уз. А что по итогу? Даже после всего случившегося никто из них не пожелал встретиться с ним напоследок. Ну что же, он сделал выводы. Мормагон вздрогнул и уставился на пути, по которым и должен был приехать экспресс.

Прибытие поезда ознаменовал протяжный гудок, пронесшийся по вокзалу. В полукилометре от их перрона ткань мира треснула, образовав неровную арку портала, сверкающую калейдоскопом разбитой реальности. Из нее, окутанный каскадами молний, появился локомотив, гремя о рельсы железными колесами. За собой он тащил вереницу длинных вагонов, не имеющих стекол и так же, как и голова состава, покрытых электрическими разрядами.

Чем-то локомотив напоминал мне советский паровоз серии Л, только у этого впереди был монструозного вида метельник, да вместо трубы, коптящей небо, — все тот же золотой шар, из которого и выходили молнии, окутывавшие весь состав.

Как только последний вагон покинул пространство междумирья, разряды молний пропали с поверхности поезда, а портал схлопнулся, оставив после себя сноп золотых искр, медленно оседающих на железнодорожное полотно.

Локомотив под адский скрежет и скрип принялся оттормаживать, оглашая округу ревом гудка. Как только он полностью остановился, то под звук гермозатворов начали открываться двери вагонов, выпуская пассажиров.

У Мормагона, как и у отца Серафима, были билеты в вагон второго класса, которыми в основном пользовались купцы средней руки и министерские чиновники.

— Ну что, будем прощаться? — епископ пожал затянутую в кожаную перчатку руку отца Серафима.

— Пребывай в свете, брат, — ответил тот на рукопожатие.

— Удачи, Мормагон, — отец Гавриил похлопал юношу по плечу. — Она тебе понадобится.

— Прощайте, — буркнул в ответ Мор.

Дождавшись, пока проход в вагон освободится, Мормагон вместе со своим сопровождающим вошел внутрь вагона. Епископ выкупил для них отдельное купе, где они и разместились, забросив немногочисленную поклажу из одной сумки под нижнюю полку. Вместо окна на стене между кроватями висела живая картина — пустяковый артефакт, изображающий проносящееся полотно дикой природы, когда локомотив был в движении, и статичное при его остановке.

Серафим, не утруждаясь ведением беседы, забрался на верхний ярус левой кровати и, прикрыв лицо фетровой шляпой, моментально уснул, негромко похрапывая. Мор устроился на нижней кровати с противоположной стороны купе, не рискуя лезть по не слишком удобной на вид лесенке.

Дважды прогудел свисток, сигнализируя о скором отбытии, и уже спустя минуту зашипели гермозатворы тяжелых дверей, отгораживая внутренность железной змеи поезда от внешнего мира. Легкий толчок ознаменовал отбытие, сопровождающееся легким покачиванием и негромким перестуком колес. Локомотив набирал ход, увозя Мормагона Князева из родного города и губернии в пугающую неизвестность.

Глава 4

Как только локомотив набрал нужную скорость, раздался очередной гудок, после которого окончательно стих шум колес и пропало покачивание, характерное для данного вида транспорта. Лишь тихий, едва уловимый гул, словно в соседнем купе стоял трансформатор, нарушал тишину. Ну и еще храп Серафима. Я прислушался к чувствам Мормагона, в надежде уловить ощущение движения, но тщетно. Мы будто бы находились в статичном помещении, а не средстве передвижения.

Вообще, пространственный локомотив был одной из вершин маго-инженерного искусства. Принцип его работы заключался в том, что он, по сути, перемещался через кротовые норы. Как это знал Мормагон, а следовательно, и я – локомотив делал дыру в реальности и летел с чудовищной скоростью на свет маяка сквозь междумирье, заполненное эфиром. Маяк – это золотая сфера, располагавшаяся на шпиле вокзала. Как только поезд оказывался в зоне действия маяка, то происходил обратный процесс, который мне довелось увидеть на перроне.

Удивительный процесс, захватывающий дух и воображение. Что-то похожее описывали наши фантасты и не раз воплощали на экранах кинорежиссеры. А тут – это бытовая реальность. Я не перестаю поражаться этому миру.

А Мормагон, между тем, развалившись на своей койке, вновь принялся за чтение «Библии», которую бессовестно умыкнул из больницы. Похоже, я плохо на него влияю. Время от времени парень поглядывал на своего сопровождающего, беззаботно дрыхнувшего рядом. А уже спустя секунду вновь возвращался к чтению.

Интересно, кто именно он такой? То, что отец Серафим не простой священник, было понятно сразу, но хотелось бы узнать подробнее. Отчего-то не могу отделаться от ощущения, что мы имеем дело с агентом какой-то тайной канцелярии или чего-то подобного. Почему так – не знаю, но с каждой проведенной рядом с ним минутой убеждаюсь в этом все тверже.

Спустя полчаса с начала отправления в дверь купе постучались. От неожиданности Мор даже подскочил на месте, приложившись макушкой о верхнюю койку. Серафим же отреагировал куда как спокойнее:

- Кто? – не убирая шляпы с лица и вообще не меняя позы, поинтересовался он.
- Обед, – за дверью раздался мелодичный женский голос.
- Открой, – скомандовал церковник своему подопечному.

Мормагон, потирая здоровой рукой макушку, встал с места и сдвинул в сторону дверь, отгораживавшую их купе от коридора. На пороге стояла девушка лет двадцати, в униформе проводницы. Впереди себя она держала высокую тележку, заставленную серебристыми крышками, под которыми, по всей видимости, и притаилась еда.

– Что желаете, господа? – она дежурно улынулась им. – Имеется мясо, птица, рыба, – перечислила она, указывая на ряды крышек. – Есть горячие напитки или, может, вы хотите чего-то горячительного? – милая рабочая улыбка прилипла к ее лицу.

- Возьмем два мяса и чай, – все так же, со своего места, сказал отец Серафим.

Проводница сняла с одной из полок пару блюд и перешагнула порог, намереваясь поставить их на столик, расположенный между койками. Девушка сделала пару шагов и пошатнулась, едва не упустив все на пол. Вместе с проводницей пошатнулось и все купе, хотя точнее будет сказать, что пошатнулся вагон или даже сам состав. Такое чувство, будто бы мы налетели на кочку, если такое вообще возможно.

- Что это? – поинтересовался Мор у проводницы.

– Пустяки, – отмахнулась девушка. – Такое иногда бывает. – Она поставила оба блюда на столик, после чего оправила форму. – Чай, верно?

Из коридора донесся звук открывающихся дверей в соседних купе и недовольные голоса пассажиров. Все они выражали недовольство, но один голос, явно принадлежавший мужчине, выделялся особенно:

– Что за чертовщина тут происходит?! – произнес он со смесью страха и раздражения. – Где проводник?!

– Прошу прощения, – извинилась перед Мормагоном девушка, после чего выглянула наружу. – Я здесь.

Перед их купе появился высокий тучный мужчина средних лет. На красном от прилившей к нему крови лице топорщились черные усы, похожие на вымазанную в гуталин щетку для обуви. Он навис над проводницей, словно утес, тяжело дыша, словно загнанная лошадь.

– Что за чертовщина? – голос у него был неприятный, чуть истеричный.

Только сейчас Мормагон заметил, что на его рубашке и брюках отчетливо проступало темное мокрое пятно. Видимо, он пил кофе, когда поезд тряхнуло, и все содержимое вылилось прямо на него.

– У меня на сегодня назначена важная встреча, и как вы думаете, в таком виде я смогу там появиться? – он принялся смахивать капли тыльной стороной ладони.

– Приношу вам свои извинения... – начала было проводница, но ее перебили.

– Безобразие! – в поле зрения появилась седовласая женщина в позолоченном пенсне. – Я едва не свалилась с кровати. Я этого так не оставлю!

Они с толстяком уже вдвоем начали наседавать на проводницу, перебивая друг друга. Девушка пятилась, видимо, оказавшись впервые в подобной ситуации и теперь не зная, как себя вести. А из коридора доносились все новые голоса, по большей части недовольные.

– Так! Отставить! – раздался уверенный мужской голос.

Мор выглянул вслед за проводницей, чтобы посмотреть, что там такое творится. В нешироком проходе собрались, наверное, все пассажиры их вагона. Всего я насчитал два десятка человек, но в самом коридоре их было только пятеро. Прочие лишь высунули головы, испуганно и недовольно взирая на происходящее.

К проводнице, стоявшей между толстяком и старухой, уверенно двигался рослый мужчина в военном мундире. Прочие пассажиры расступались перед ним, прижимаясь к стенам вагона. Чем-то он напоминал отца Мормагона – барона Князева. Именно ему принадлежал тот самый голос.

– Отойдите от девушки! – приказал он и, когда толстяк сделал шаг назад, спросил: – Что произошло, сударыня? Я много раз ездил на экспрессе, но впервые сталкиваюсь с подобным явлением. – С проводницей он говорил спокойно, не повышая голоса.

– Я и сама не знаю, – покачала она головой. – Я хочу связаться со старшим проводником, чтобы это выяснить.

– Ну так иди и спроси, – вновь подал голос толстяк, но тут же осекся под тяжелым взглядом военного.

Проводница пристроила свою тележку к стенке вагона и быстрым шагом направилась к служебному купе. Военный последовал за ней, остальные же остались стоять где и стояли, лишь косясь в их сторону. Девушка отперла дверь и шагнула внутрь, мужчина остался стоять на пороге, время от времени оглядываясь на пассажиров.

Проводница вышла спустя пару минут. Вид у девушки был такой, словно ей сообщили очень неприятную новость. Она осмотрела столпившихся людей, после чего сказала:

– Все в порядке. Был небольшой сбой в силовом агрегате локомотива, но сейчас все хорошо. – Она мило улыбнулась пассажирам. – Прошу вас, пройдите в свои купе.

– А что насчет моей одежды? – завел свою шарманку толстяк.

– Отстираешь, – зло глянул на него военный. – В туалетной комнате есть вода, а у тебя, если меня не подводит зрение, руки.

Лицо толстяка вновь налилось кровью, но спорить он не решился, лишь искоса зыркнул на проводницу, после чего скрылся в своем купе. Его примеру последовали и остальные, разбредаясь по своим местам. Спустя минуту в проходе остались лишь проводница, военный да голова Мормагона.

Меня не покидало странное чувство некоторой недосказанности. Слишком нервным было выражение лица военного, и как-то странно вела себя проводница. Либо девушке сообщили, что авария куда серьезней, чем она сказала, либо ей вообще ничего не удалось узнать. Когда проводница подошла, чтобы забрать тележку, стоящую под стеной у двери нашего купе, за спиной парня раздался знакомый хриплый голос:

– Вы солгали.

Как и когда Серафим покинул койку, Мор не слышал, как и я.

– Простите? – девушка испуганно глянула на него.

– Ваши слова про сбой в силовом агрегате – ложь. Что произошло на самом деле? – церковник отстранил Мора, выйдя в коридор.

Военный сделал шаг вперед, заслоняя девушку, и встал вплотную к отцу Серафиму. Они кардинально отличались друг от друга – высокий широкоплечий брюнет и низкий худощавый блондин. Казалось, что церковник должен отступить перед офицером, превосходящим того на добрых полторы головы, но нет. Взгляд Серафима излучал силу и непоколебимую уверенность в своем праве. Причем то была уверенность не в физической силе – нет. Отец Серафим был уверен в силе Церкви, стоящей за его спиной несокрушимым колоссом.

В который раз убеждаюсь, что этот церковник не так прост, как старается казаться. С ним нужно вести себя крайне осторожно. Нутром чувствую, что малейший прокол может стать фатальным для нас с пацаном.

– Тебе же сказали... – угрожающим тоном начал цедить слова военный.

– Семен, прошу вас, – проводница положила руку ему на плечо. – Вы правы, – она посмотрела на церковника. – Дело в том, что мне не удалось установить связь со служебным вагоном.

– Они не отвечают или проблемы с самой связью? – уточнил Серафим.

– Сигнал не проходит, – вместо девушки ответил Семен. – Похоже на обрыв провода.

– Связаться с соседними вагонами можно? – снова вопрос от церковника.

– Нет, – покачала головой проводница. – Лишь со служебным вагоном. Предвосхищая ваш следующий вопрос, скажу, что установить связь с локомотивом также нельзя.

Любопытно. Связи нет, возможности перейти в соседний вагон тоже нет. Даже стоп-кран дернуть нельзя, так как его наличие не предусмотрено заводом-изготовителем, так же как и окон. Может, мы вообще расцепились с остальным составом и просто дрейфуем в междумирье? Учитывая отсутствие признаков движения, это вполне себе вероятность, как мне кажется.

– А мы вообще движемся? – уловив мои мысли, задал вопрос Мормагон.

На парне тут же скрестились взгляды. По всей видимости, им самим такая мысль в голову не приходила. Вояка и церковник дружно, как по команде, посмотрели на проводницу. Та немного смутилась под их взглядами, но быстро взяла себя в руки:

– Конечно, – она кивнула.

– А как это проверить? – на сей раз вопрос прозвучал от офицера.

– Картины, – односложно ответила проводница, а затем пояснила: – Артефактные картины, висящие в купе, настроены так, чтобы показывать панораму местности, лишь когда состав находится в движении. Это правило работает даже здесь. – Под «здесь» девушка явно подразумевала междумирье.

– Это успокаивает, – кивнул отец Серафим. – Будем надеяться, что дело в неисправном проводе. В любом случае, нам больше ничего и не остается.

– Верно, – согласился с ним Семен. – Но все же попробуйте еще раз связаться с главным вагоном, после того как закончите разносить еду, хорошо?

– Чтоб меня! – проводница хлопнула себя по лбу. – Совсем вылетело из головы. – Она спешно схватила свою тележку. – Хорошо, как только закончу с обедами, сразу же попробую с ними связаться.

– Прошу, при любом исходе сообщите мне о результате, – попросил ее церковник, освобождая для нее дорогу.

– Да, конечно, – согласилась девушка.

Они разошлись по своим купе, предоставляя проводнице выполнять свою работу. Серафим тут же забрался обратно на верхний ярус своей койки, а Мор остановился у столика, на котором устроилась пара тарелок с обедом. Живот парня моментально заурчал, напоминая нерадивому хозяину, что в нем с самого утра ничего не было, кроме какой-то микстуры.

– Мою порцию съешь тоже, – прохрипел отец Серафим из-под своей шляпы.

– А вы не будете? – удивился такой щедрости Мормагон.

– Я не голоден, а тебе нужно восстанавливаться.

Мор не стал артачиться, понимая разумность доводов сопровождающего.

Парень только закончил доедать первую порцию, как из коридора раздался заполошный женский крик. Мор повернул голову в сторону церковника, но того уже не было на кровати, отец Серафим неведомо как очутился у дверей. А спустя миг он вылетел из купе. Мор, на ходу вытирая лицо полотенцем, поспешил следом.

В коридоре, прижавшись спиной к стенке, стояла проводница. Левой рукой девушка зажимала себе рот, а правая вытянулась в сторону открытой двери купе. Помимо них, на крик выглянуло еще несколько человек, в том числе и уже знакомый Семен.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил он.

– Та-ам, – голос у девушки дрожал, как и вытянутая параллельно полу рука.

Отец Серафим первым подбежал к раскрытой двери и заглянул внутрь. Тут же отпрянул, едва слышно выругавшись, но спустя миг вошел внутрь. Следом за ним шагнул подоспевший Семен, а Мормагон остался стоять на пороге, заглядывая тому через плечо. Впрочем, военный почти сразу сдвинулся к стене, открывая обзор на внутренности купе.

От увиденного живот парня моментально скрутило в спазме, заставившем его одновременно пожалеть о съеденном обеде и порадоваться, что вторую порцию он съесть не успел. Но Мор все же сумел удержать все в себе, лишь дыхание стало более тяжелым и частым.

На полу, между кроватей, лежало тело. Это была та самая женщина, что напирала на проводницу вместе с толстяком. Вот только узнать ее можно было лишь по одежде. Кожа на открытых участках посерела и высохла, словно у тысячелетней мумии, которую только что освободили от бинтов. Рот распахнут в немом крике, на лице застыла гримаса дикого ужаса, волосы сползли, обнажая лысый, покрытый темными пятнами череп. Но самым жутким были ее глаза. В отличие от всего остального тела, они, казалось, вообще не пострадали и теперь блестели, отражая свет лампы, висящей на потолке.

Над ней, опустившись на одно колено, стоял отец Серафим, внимательно вглядываясь во что-то. Он по-птичьи наклонил голову влево, затем резко встал и сделал шаг назад.

– Что за чертовщина? – тихо спросил его военный.

– Проклятие или что-то похуже, – словно размышляя вслух, ответил церковник. – В любом случае, прикасаться к ней я бы не рекомендовал, а лучше вообще запереть купе на ключ до прибытия.

Мормагон оглянулся. За его спиной, занимая всю невеликую ширину прохода, стояли пассажиры, вышедшие на крик проводницы. Сама девушка сидела на том же самом месте, прижав руками колени к груди. Ее тело была мелкая дрожь, а по щекам текли слезы, смешанные с черной подводкой для глаз. Утешить бедняжку желающих пока не было.

– Что там произошло? – задал кто-то вопрос.

Ответить ему никто не успел. Новый крик пронесся по вагону, заставив всех собравшихся оцепенеть на целую секунду. Словно испуганные суслики, они застыли на месте, а в следующее мгновение прыснули в стороны, сбивая друг друга с ног.

Крик повторился. Отпихнув растерявшегося Мормагона с пути, в коридор выскочил Семен, а следом за ним отец Серафим. Военный быстро нашел запертую дверь, из-за которой и слышались вопли, принадлежавшие какому-то мужчине. Он попытался было открыть дверь, но та была заперта изнутри, и Семен повернулся к проводнице, все еще раскачивавшейся, сидя под стенами.

– Дай ключ! – приказным тоном сказал он ей, но тщетно – девушка не реагировала.

Тогда отец Серафим подбежал к проводнице и, не церемонясь, сорвал с ее пояса небольшую пластинку серебристого металла – мастер-ключ от всех помещений в вагоне. Ловким движением он швырнул артефакт Семену, и тот поймал его в воздухе, тут же прикладывая к замку. Раздался сухой щелчок, и военный дернул дверь в сторону.

Из проема, весь перепачканный кровью, вывалился давешний толстяк, дико верещащий во всю немалую мощь своих легких. Он оттолкнул Семена и, перебирая конечностями, пополз по коридору, даже не пытаясь встать на ноги. За ним на досках пола оставались алые полосы свежей крови.

Все это Мор наблюдал, цепenea от ужаса, ведь когда Семен свалился, опрокинутый толстяком, ему на грудь прыгнул еще один человек. Но, в отличие от толстяка, он не стал убегать, а попытался вцепиться военному в лицо зубами. Хотя зубами это назвать было можно с большой натяжкой. Такому комплексу позавидовала бы любая акула.

Семен не растерялся и успел перехватить его руки, не позволяя исполосовать себя короткими когтями, заменявшими этому существу ногти. Вот только перехватить лысую, покрытую черными венами голову ему было уже нечем. Безумец с непоколебимой настойчивостью тянулся к лицу военного, все шире раскрывая рот, из которого тянулась зеленоватая слюна.

– Одержимый! – в ужасе завопил кто-то за спиной.

Мормагона, застывшего в ступоре, отпихнул в сторону отец Серафим, поспешивший на помощь Семену. Церковник подбежал и сходу ударил одержимого подошвой прямо в распахнутую пасть, уже начавшую рваться от уха до уха. Тварь отлетела, кубарем покотившись обратно в купе, противно вереща, словно гигантская цикада. Тут же вскочивший военный одним движением захлопнул дверь, щелкнувшую запираемым замком. А через секунду в уже не казавшуюся столь крепкой преграду принялся колотить одержимый, шипя и стрекоча, словно огромное насекомое.

– Что... Что это за тварь? – тяжело дыша, спросил Семен, прижимая ладонь к груди, которую одержимый все же успел полоснуть.

– Низший одержимый, – сухим, ничего не выражающим тоном ответил церковник.

– Одержимый? Откуда он взялся? На составе ведь защитное поле.

– Не знаю, – задумчиво, будто был в своих мыслях, ответил отец Серафим.

Одержимый продолжал колотить в дверь, не сбавляя настойчивости. При этом он не переставал издавать пугающие звуки, воспроизвести которые не было способно ни одно человеческое горло.

– Парень, ты как, цел? – церковник повернулся ко все еще пребывающему в шоке Мормагону.

За всей этой кутерьмой я упустил состояние парня и теперь спешно пытался привести его в более-менее потребный вид. Сделать это было затруднительно, так как я и сам был порядком на взводе. Но мне удалось хотя бы частично вернуть его в реальность. В противном случае, он сейчас сидел бы рядом с проводницей, под которой расползалась небольшая, дурно пахнущая лужица. Хотя думаю, что у половины пассажиров этого вагона сейчас схожие проблемы.

– Д-д-да, – заикаясь, все же ответил Мор. – Простите. – Он стыдливо поежился.

– Тебе не за что извиняться. Большая часть людей, впервые столкнувшись с одержимым, вообще в панике бросается прочь или теряет рассудок, – он кивком указал на проводницу. – Это естественная реакция организма на подобную гнусь.

– И тем не менее я повторюсь, – вновь подал голос Семен, закончив осматривать свои раны. – Откуда здесь взялась эта падаль? И что вообще за низший одержимый?

– Откуда он взялся, мы сейчас спросим вон у того господина, – палец церковника был направлен на толстяка, привалившегося к закрытой двери одного из купе.

Он сидел, опершись широкой спиной, и тяжело дышал, время от времени сглатывая то ли слюну, то ли скопившуюся во рту кровь. На исполосованном лице, залитом кровью, блестели чудом уцелевшие глаза, отражая весь пережитый хозяином страх. На правой щеке не хватало куска плоти, и в рваной дыре, окаймленной лоскутами кожи и мышц, можно было увидеть желтоватые зубы, безжалостно стучащиеся друг о друга.

Мормагон ощущал, как по заиндевевшей спине пробегают стада мурашек. На язык сами собой напрашивались священные молитвы, что он читал еще совсем недавно. Парню было страшно. Он ощущал себя невероятно уязвимым, особенно теперь, когда по милости отца остался калекой. В голове его витала мысль, что если бы на месте Семена был он, то одержимый убил бы его уже в первую секунду, попросту перегрызая горло.

Мысли вновь вернулись к семье, что сейчас, не зная забот, наверное, сидела в обеденной, наслаждаясь горячей едой, и даже не думала о нем. Это придавало парню сил и дало хоть немного справиться с обуревавшим его чувством страха и беспомощности.

Пока парень пытался собраться с мыслями, я наблюдал за действиями церковника. Тот опустился перед толстяком на колени и заглянул ему в испуганные глаза. Игра в гляделки продолжалась с минуту, после чего отец Серафим спросил:

– Как тебя зовут? – Его рука легла на плечо раненого, на лице появилась благодушная улыбка, полная сострадания.

– Демьян, – очень тихим, сиплым голосом ответил тот.

– Я отец Серафим, Демьян. Расскажи мне, чем ты занимаешься? – даже голос церковника, обычно хриплый, сейчас был наполнен сочувствием.

Демьян молчал несколько секунд, но затем громко сглотнул и начал говорить:

– Я негоциант. Занимаюсь поставками специй из халифата Шумлат. – Из-за дыры в щеке его речь была чуть искаженной.

– Хорошо. Твои дела, наверное, идут в гору? – с живым интересом, будто общается с лучшим другом, спрашивал Серафим. – Я слышал, ты спешил на важную встречу?

– Да. С главой купеческой гильдии, – негоциант явно начал приходить в более осмысленное состояние.

– А скажи мне, Демьян, что произошло в купе? – очень вкрадчиво спросил его церковник.

– Трофим, – сглотнул купец. – Мы пили кофе, когда поезд тряхнуло. Вернее, я пил и пролил на себя чашку. Вышел в коридор, чтобы, значит, разобраться, что за дела такие, вдруг что серьезное... Вот... – Он сглатывал через каждые несколько слов. – А Трофим – это помощник мой, он в купе остался. А когда я уже обратно вернулся, то он на койке своей лежал, будто уснул. Я его позвал пару раз, но он не откликнулся, я будить и не стал. – Тут его голос опустился до шепота. – А минут через пять... – из его глаз потекли слезы. – Он заворочался и встал на ноги. Весь скрюченный, глаза бешеные и пасть полная клыков. Я и пикнуть не успел, как он на меня кинулся. – Толстяк всхлипывал, вспоминая пережитый ужас. – Вцепился мне в лицо, царапался, как бешеный кот. Я кричать начал. В дверь колотить, а она, черт ее дери, не открывается... Ну а дальше вы уже сами все видели. – Он мелко затрясся, словно в припадке, теряя вернувшееся самообладание.

– Все хорошо, – улыбнулся ему церковник, похлопывая по плечу. – Все позади. – Его рука дотронулась до шеи негоцианта, пальцы чуть надавили, словно прощупывая пульс, и мужчина обмяк, закатив глаза.

– Что ты сделал? – подал голос Семен, все это время молча слушавший рассказ толстяка.

– Ничего, – поднимаясь на ноги, ответил ему отец Серафим. – Просто помог уснуть, чтобы не травмировать еще сильнее его и так пошатнувшуюся психику.

– Ты церковник? – с подозрением спросил военный.

– Да, а что тебя так удивляет?

– Обычно святые отцы выглядят, – Семен неопределенно помахал ладонью, – несколько иначе.

– Ты хочешь спросить, где моя ряса? – бровь Серафима изогнулась.

– Сейчас я хочу спросить, что за чертовщина тут творится, – военный указал на дверь, в которую все еще бился одержимый. – Он ее не выломает хоть?

Признаюсь, меня самого очень живо волновал этот вопрос.

– Не в ближайшие полчаса-час, – задумчиво ответил церковник. – Он еще недостаточно силен для такого.

– Что это значит? И что значит низший?

– Если в двух словах, – Серафим повернулся к Морю, – ты тоже слушай – пригодится. Низший одержимый – это человек, чье тело захвачено слабой демонической сущностью. Почти всегда его умственные способности ненамного превышают уровень интеллекта собаки. Манипулировать эфиром для сотворения чар он не способен и может лишь подвергать организм-носитель метаморфозам. Обычно его максимум – это отрастить клыки и когти, что мы и наблюдали, да еще часть внутренних органов переработает в мышечную массу для увеличения силы и скорости. Вот только этот, судя по всему, досуха выпил ту женщину, что должно ему дать неслабый прирост сил. И прямо сейчас он активно морфирует, перестраивая тело. Еще полчаса – и из купе вырвется закованная в хитиновый панцирь тварь, что играючи перебьет нас всех за десяток минут.

– А откуда, Архангел его дери, он тут вообще взялся?

– Скорее всего, проник извне, – палец священника указал на потолок вагона.

– Думаю, что инцидент с тряской – это последствие кратковременного сбоя в работе защитного полога. Щит исчез на долю секунды, и демон, не имеющий материального тела, просочился внутрь.

– Это все прекрасно, но меня больше интересует другое. Как нам его убить?

– Никак, – пожал плечами церковник.

– В смысле? – опешил Семен.

– Чтобы убить тварь, засевшую в теле Трофима, нам необходим или особый артефакт, или колдун. – Серафим посмотрел на военного. – У тебя случайно лишнего не завалялось?

– Кого? – не понял тот.

– Колдуна. Просто артефакта у меня с собой точно нет, – священник похлопал себя по карманам. – Остается надеяться, что ты припрятал колдуна в чемодане.

А церковник-то тот еще юморист, оказывается. Или это у него так нервное напряжение проявляется? Бывает, что в стрессовой ситуации человек начинает шутить, обычно весьма тупо, и смешно при этом лишь ему самому. Может, и тут так?

– А если мы просто порубим его на куски? – Семен пропустил остроту мимо себя.

– Будь мы в любом другом месте, то я непременно благословил бы тебя на сей подвиг, но только не здесь.

– Что не так?

– Если разрушить вместилище демона обычными методами, то сама тварь при этом не пострадает – лишь чуть ослабнет и, скорее всего, уйдет за грань. Вот только вагон – это ничто

иное как клетка, непроницаемая для подобных сущностей. Причем с обеих сторон. Ему попросту некуда будет уходить.

– Хочешь сказать, что он просто найдет себе новое тело?

– Да. Вначале выпьет кого-то, – кивок в сторону купе с высохшим телом, – а после просто дождется удобного момента и захватит новое вместилище. И мы с этим ничего не сможем сделать, так как у нас нет ни колдуна, ни артефакта.

– И что, просто будем сидеть и ждать?

– Нет, – покачал головой Серафим. – До прибытия осталось чуть больше часа. К тому времени тварь отожрется на наших трупах до уровня боевой химеры и вырвется прямо в город. Пока ее сумеют уничтожить, она убьет не один десяток горожан.

Мормагон, немного пришедший в себя, очень внимательно слушал пояснения церковника, поэтому не сразу заметил, как из своих купе в очередной раз показались пассажиры. В этот раз их было немного – человек десять. На лицах людей был неподдельный ужас пополам с обреченностью и едва сдерживаемой паникой.

– Послушайте меня внимательно! – хриплый голос церковника разнесся по вагону. – Я смогу нас спасти, но для этого мне требуется ваша помощь, – скидывая пиджак на пол, произнес он.

– Что нужно делать? – вперед вышел мужчина в помятом костюме.

– Нужно освободить от всей мебели одно купе. Причем сделать это надо очень быстро. Я смогу сделать клетку, из которой одержимому будет не выбраться, – и, подавая пример, первым вошел в их с Мором купе.

Из распахнутой двери вылетел ком постельного белья, упавший прямо под ноги Семена.

– Так! – гаркнул военный. – Если не хотите сдохнуть и стать жратвой для демона, то живо за работу! – Он пинком отправил ком белья дальше в коридор.

А он умеет мотивировать.

Ничто так не придает силы и энтузиазма, как запертый с тобой в одном вагоне демон, способный вырваться в любой момент. На то, чтобы очистить купе до состояния ободранных стен, у перепуганных пассажиров ушло меньше десяти минут. Справились бы и быстрее, но все желающие помочь физически были не способны поместиться в купе.

Мормагон, ввиду своего нового положения, активного участия в погроме помещения не принимал. Для этого хватало добровольцев с более полным комплектом конечностей. Вместо этого он стоял, прислонившись ухом к двери, за которой сидел одержимый. Парень вслушивался в звуки, доносящиеся из купе, готовый в любой момент отпрыгнуть в сторону, если что-то начнет происходить.

– Мормагон, тебя священник зовет, – к нему подошел Семен, когда Серафим выгнал всех из купе, занявшись одному ему ведомыми приготовлениями.

Парень кивнул и, отлипнув от дверей, пошел к церковнику, занятому, как оказалось, настенной живописью. Отец Серафим с помощью мела рисовал на полу сложный, весьма замысловатый узор, в основе которого лежала семиконечная звезда. Помимо звезды, в рисунке хватало переплетающихся между собой линий и вписанных то тут, то там, рунических знаков. Его движения были четкими и выверенными, словно он каждый день занимается начертанием подобных пентаклей. Он уже заканчивал выводить последнюю линию, что соединяла все в единое целое, как в купе вошел Мор.

– Не наступай на линии, – не отвлекаясь, сказал церковник.

– Вам нужна моя помощь? – спросил парень.

Серафим завершил линию и поднялся, вытирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб. Он критическим взглядом оглядел проделанную работу и, по всей видимости оставшись доволен, удовлетворительно кивнул. Только после этого он перевел взгляд на подопечного и сказал:

– Встань в центр пентакля, будь любезен.

Не понимая, что происходит, Мор все же сделал пару шагов, замерев в центре семиугольника.

– Вот так? – спросил парень.

– Хорошо. А теперь выходи, – церковник очень внимательно смотрел на Мормагона.

Он что, пытается таким образом проверить, не является ли пацан одержимым? Просто невероятный уровень подозрительности при том, что я старался никак не проявлять себя в его присутствии. Еще раз убеждаюсь, что Серафим не просто рядовой церковник.

Мормагон беспрепятственно покинул рисунок и с недоумевающим видом встал напротив священника. Просить что-то объяснить парень не стал, догадываясь о безрезультатности этого действия.

– Ну хоть тут без подвохов, – удовлетворенно буркнул Серафим. – А теперь отойди немного.

Священник выудил из кармана спичечный коробок и потряс им, прислушиваясь к шороху содержимого. Зажженную спичку, горящую почему-то бледно-голубым огнем, он бросил прямо в нарисованный пентакль. Линии узора моментально вспыхнули таким же голубым бездымным пламенем, но спустя несколько секунд погасли. Рисунок исчез, не оставив никаких следов своего существования в этом мире. Даже подпалин не осталось на деревянном полу.

– Что это было? – задал вопрос Мор, сильно удивленный этой иллюминацией.

– Особый алхимический мел, – пояснил священник. – Если поджечь то, что им начертано, то рисунок, как бы это сказать, – он умолк на секунду, подбирая слова, – отпечатается на самой ткани мира. Теперь это купе – ловушка для демонов. Причем навечно.

Семен стоял у дверей, как ранее до него Мормагон, приложившись к ней ухом. Со стороны картина выглядела комично: здоровенный детина под два метра ростом, облаченный в военный мундир, пусть и местами порванный, согнувшись чуть ли не пополам, вслушивается в происходящее за дверью. Будто ревнивый муж, подслушивающий беседу жены с любовником. Вот только всю комедию момента портило знание о том, что именно скрывается за злополучной дверью.

Одержимый, если отец Серафим не ошибся, на что надеялись многие, совсем скоро будет в состоянии вырваться из заточения. И, согласно рассуждениям все того же церковника, порубит в кровавый фарш все живое в вагоне. И теперь все зависело от ловушки, созданной священником.

– Что там? – спросил Серафим у военного, когда они подошли ближе.

– Пока тихо. – Семен встал в полный рост, с хрустом позвонков распрямляя спину. – Все готово?

– Почти. Я нарисовал ловушку, но просто так одержимый туда не войдет. – Он выдержал секундную паузу. – Нам нужна приманка.

– Что ты имеешь в виду? – настороженно спросил Семен.

– В центр ловушки мы должны поместить живого человека, – эти слова могильной плитой рухнули на всех присутствующих.

– Что? Я не ослышался? – лицо военного побагровело. – Ты хочешь скормить этой твари кого-то из пассажиров?

Вокруг начали собираться люди, привлеченные словами священника. В воздухе тяжелым смогом повис сдерживаемый до этого момента страх. Их можно было понять. Только что им сообщили, что как минимум один из них точно умрет в ближайшие полчаса, причем не самой простой смертью.

– Я этого не желаю, – чеканя каждое слово, сказал церковник. – Но это необходимо будет сделать, если мы хотим спасти остальных людей.

– Так сам тогда и выступай в качестве приманки! – крикнул из толпы какой-то молодой щеголь.

– Я бы так и поступил, если бы был уверен, что сумею активировать клетку до того, как демон меня прикончит.

Повисло гнетущее молчание. Лишь тяжелое, напуганное дыхание двух десятков человек наполняло пространство коридора. Казалось, что первый, кто издаст звук, и будет назначен на роль приманки.

– И кто это будет? – задал вопрос Семен. – Кого ты назначишь на роль жертвенного барана? – Всем своим видом он выражал неодобрение.

– Жертвой станет тот, кто в любом случае не доживет до конца поездки. – Увидев недоумение на лицах, он пояснил: – Негоциант Демьян уже не жилец.

– Что ты несешь?! Я видел его раны – они поверхностные, если не считать укус на щеке, – возмутился один из мужчин, что помогали затаскивать толстяка в купе.

– Он отравлен. Прямо сейчас по его венам расползается яд, от которого у нас нет противоядия.

Семен, которому также досталась пара царапин от одержимого, вздрогнул, приложив руку к груди. В глазах военного на короткий миг вспыхнула паника, но он быстро справился с эмоциями, решительно мотнув головой.

– Выходит, что и я отравлен и не доживу до прибытия? – в его голосе слышалась решимость обреченного. – Тогда я стану приманкой.

– И да и нет, – ответил ему Серафим. – Ты получил минимальную дозу отравы и вполне способен продержаться без оказания помощи не меньше суток. У тебя даже симптомов нет.

Возможно, их препирательство продолжалось бы и дальше, но в спор вмешалась третья сторона. И речь не о ком-то из пассажиров, что заметно успокоились после того, как узнали, что конкретно им не грозит выступить в качестве приманки.

Одержимый, видимо, услышавший нездоровую возню рядом с собой, решил напомнить о себе ударом в содрогнувшуюся дверь. Содрогнулись и люди, собравшиеся в коридоре, кто-то испуганно вскрикнул. Благо, что за первым ударом не последовало второго. Тварь будто выразила свое недовольство мешающей ей шумной обстановкой.

– Да к черту, – злым шепотом сказал молодой парень лет двадцати. – Я не собираюсь здесь подыхать. – И он направился в купе, куда ранее отнесли Демьяна и безымянную проводницу.

Следом за ним двинулось еще пятеро мужчин, лица которых пытались стыдливо спрятать облегчение. Они были рады, что не им пришлось первыми соглашаться на, можно сказать, коллективное убийство, пусть и для спасения остальных.

Негоцианта споро выволокли в коридор и подтащили к купе, превращенному отцом Серафимом в ловушку для одержимого. Толстяк никак не реагировал на действия, производимые с его бессознательным телом. Лишь сиплое дыхание натужно вырывалось из покрытых кровавой коркой губ. Носильщики замерли в нерешительности на самом пороге, вопрошительно смотря на церковника, что стоял мрачнее тучи. Добровольцы ждали последнего приказа, что окончательно должен будет снять с них всю ответственность за жизнь Демьяна.

– Положите его в центре, – безжизненным голосом велел священник.

Мужчины выполнили указание и, не дожидаясь дальнейших, быстро выбежали обратно в коридор. В глаза остальных пассажиров они старательно не смотрели, предпочитая рассматривать свою обувь. Если поездка завершится благополучно, то ближайшую неделю бедолаги пробудут в запое.

Отец Серафим быстро прочел молитву над пока еще живым человеком и аккуратно надрезал ему вены на запястьях. Темная кровь очень медленно начала вытекать, скапливаясь в две небольшие лужицы, больше напоминающие нефтяные пятна. И даже это не заставило очнуться

негоцианта, окончательно убедив присутствующего при сем действе Семена в неизбежной кончине толстяка.

– Что теперь? – спросил военный, когда Серафим закончил все приготовления.

– Будем выпускать тварь.

Мормагон сидел на койке, до побелевших костяшек сжимая правый кулак. Сердце парня бешено колотилось, и он то и дело облизывал пересохшие от волнения губы. У открытых дверей купе стоял отец Серафим, вглядываясь в коридор. Прямо сейчас вызвавшийся добровольцем Семен должен был отпереть одержимого, давая тому выйти на свободу.

В гробовой тишине, окутавшей саваном весь вагон, щелчок отпираемого в десятке метров замка показался артиллерийским залпом. Следом за ним – шелест сдвигаемой двери, будто сошедшая лавина, и быстрый, приближающийся топот.

Семен ввалился в купе, дыша как загнанная лошадь. Глаза ошалелые, а лоб покрыт крупным бисером пота, блестящим в свете эфировой лампы. Как только военный перешагнул порог, Серафим захлопнул дверь, заперев ту ключом. Он вопросительно взглянул на Семена, выглядящего так, словно бежал десяток километров в полном обмундировании.

– Как только дверь открыл, так и пробрало всего, – стуча зубами, ответил он на невысказанный вопрос. – Аж жутью повеяло изнутри. Будто не купе открыл, а дверь в преисподнюю.

Сказать на это церковник ничего не успел: из коридора раздалось потустороннее стрекотание, от которого по всему телу Мормагона побежали мурашки. Вздрогнул и бледный Семен, прислонившийся к стенке. Отец Серафим лишь сильнее прижал ухо к двери, вслушиваясь в происходящее снаружи. Хотя и без всего этого было прекрасно слышно, как тварь приближалась. Церковник тут же завел речитатив какой-то молитвы на неизвестном Мормагону языке. Для большего сосредоточения он даже прикрыл глаза, скороговоркой буквально выплевывая слова.

Одержимый, по всей видимости, шел по следу Семена, чей путь пролегал аккурат напротив помещения с ловушкой. Тварь вот-вот должна была почуять или даже увидеть приготовленное для нее «угощение». Одержимый победно взревел. Мор услышал, как монстр ворвался в соседнее купе, и в тот же миг отец Серафим выбежал наружу.

Из-за стены раздался нечеловеческий визг и грохот удара чего-то об перегородку между купе. Испуганный Мор отшатнулся и, не найдя опоры, вернее, опорной руки на положенном месте, грохнулся прямо на пол. Болезненно скривившись и потирая ушибленное плечо, он поднялся на ноги и огляделся. В купе больше никого не было: Семен выбежал вслед за священником, и, судя по отсутствию криков раненых, план удался.

Одержимый бесновался. Человекообразная тварь, местами покрытая серым хитином, скалилась двумя рядами акульих зубов. Длинные саблевидные когти то и дело пытались вспороть пленку защитного круга, но каждый раз лишь бессильно соскальзывали, что злило существо еще сильнее. Из-за чего он мог лишь яростно шипеть, словно гигантский таракан. Одержимый, в принципе, напоминал не вполне удачный гибрид человека и насекомого, отчего, глядя на него, где-то на подсознательном уровне возникало стойкое чувство омерзения.

Но если насекомые были лишены проявления эмоций, то одержимый выказывал иступленную злобу. Не имея возможности достать людей за периметром своей новой клетки, как и повредить оную, тварь отыгрывалась на бездыханном теле негоцианта. Грудь покойника была вскрыта, словно консервным ножом, из дыры торчали осколки ребер, а требуха разбросана по всей площади ловушки.

Этой картины желудок Мора уже не выдержал, и парень, зажимая рот рукой, побежал к уборной. Заскочив внутрь, закрыв за собой дверь, он тут же склонился над фаянсовым треном, извергая из себя все, что удалось съесть за сегодняшний день. Закончив, он обессиленно отстранился к стене, тяжело дыша и мелко вздрагивая.

Напряжение, которое ему еще никогда не приходилось испытывать в своей короткой жизни, разом схлынуло, оставляя после себя некую опустошенность. Постояв так пару минут, он подошел к раковине, чтобы умыться, и впервые за несколько дней взглянул в зеркало. Оттуда на него смотрел изнеможенный молодой человек с впалыми щеками и бледной кожей. Он в очередной раз нагнулся, чтобы умыться, а когда вновь взглянул на свое отражение, то испуганно отшатнулся.

В отражении вместо него была какая-то тварь, больше похожая на огромную черную кошку, пропущенную когда-то через мясорубку и почему-то выжившую. Вдобавок местами она обросла темными перьями и обзавелась еще тремя парами болезненно выглядящих глаз. Мор зажмурился, пытаясь отогнать наваждение, но тщетно: отражение никуда не пропало, лишь сделавшись более четким, практически материальным.

Парень, покрываясь липким потом, уже открыл было рот, чтобы позвать на помощь, но, как оказалось, только этого существо и ждало. Демон, сам оставаясь в зазеркалье, выстрелил вихрем черного дыма, влетевшим в распахнутый рот Мора. Ломая слабый барьер воли хозяина тела, он прорывался к центру сознания своей жертвы. Чем-то это напоминало то, что пытался проделать отец Гавриил, только демонический кот действовал куда как грубее.

Его ментальные щупальца протягивались все ближе к центру, где было и мое сознание. Я уже хотел было оборвать их, как почувствовал что-то странное, чего еще не ощущал в своей новой жизни. Будто бы нос уловил запах свежей еды, пробуждая спящее до того чувство голода. Захотелось жрать.

Скорее по наитию, чем осознанно, я, вместо того чтобы оборвать щупальца демона, схватился за них и изо всех сил дернул, притягивая тварь к себе. Не ожидавший такой подлянки демон замешкался и не успел хоть как-то среагировать. А в следующее мгновение демон вывалился в то пространство реальности, где обитал мой разум. Чувство голода стало нестерпимым, и я потянулся к завертевшемуся, словно юла, демону.

Тварь зашипела, но сделать уже ничего не могла: я буквально впитывал ее энергию, чувствуя, как новая сила наполняет меня. Мгновение – и демон истаял, не оставив от себя ничего, кроме чувства сытости.

Что это было? Я только что буквально сожрал демона. Поглотил без остатка, и какие последствия это принесет, я не имел ни малейшего понятия.

Я прислушался к себе, но ничего нового для себя не ощутил, кроме сильнейшей головной боли, исходящей от Мормагона. Парень лежал на грязном полу, его тело била крупная дрожь, а взгляд неотрывно смотрел на тело демона, вывалившееся из зеркала и теперь валявшееся у его ног. Труп, словно сотканный из черного дыма, очень быстро истаявал, словно туман в жаркий полдень.

– Помогите, – голос у Мора был сиплым, едва слышимым.

Глава 5

Мормагон отчаянно колотил по запертой двери, не в силах дотянуться до ручки и отпереть ее самостоятельно. Сердце стучало столь громко, что, казалось, вот-вот заглушит удары кулака о дверную панель. Воздуха не хватало, и каждый вздох обжигал, словно он пытался дышать огнем. Перед глазами начало расплываться марево, пожирая мир вокруг него и затягивая разум в пучину беспамятства.

Внезапно дверь распахнулась, и Мормагон наполовину вывалился в коридор вагона. Чьи-то руки подхватили его подмышки и поволокли дальше, полностью вытаскивая из злополучного туалета. Это придало ему сил, и он вновь начал перебирать ногами, отталкиваясь пятками от пола.

— Успокойся! — кто-то хлестко ударил его по щеке.

Боль обожгла лицо, из глаз брызнули невольные слезы, но мысли начали приходить в более-менее нормальный ритм. Он поднял глаза и встретился взглядом с Семеном, стоящим перед ним на одном колене.

— Там... — дрожащим от волнения голосом сказал Мор, указывая чуть трясущейся рукой в сторону туалета. — Демон...

Мормагона всего передернуло, стоило вспомнить про жуткую тварь, что напала на него из зазеркалья. Никогда прежде, за свою короткую жизнь, ему не доводилось испытывать столь глубокого ужаса.

К ним подошел отец Серафим. Вид у церковника был, мягко говоря, взволнованным, а на испуганного Мора он смотрел очень странно. В его взгляде я видел явственное подозрение. Похоже, он опасается, что Мормагон тоже может быть одержим, что немудрено, учитывая дохлого демона в сортире. Как бы святоша не посчитал, что его подозрений будет достаточно для вынесения окончательного вердикта.

— Что там за чертовщина? — прошипел Семен.

— Там пусто, — отрицательно покачал головой церковник.

Выходит, что Серафим ничего не нашел в туалетной комнате. Или же нашел, но не хочет говорить, чтобы не спровоцировать новую волну паники. По невозмутимому лицу церковника было решительно нельзя ничего понять.

— А с парнем тогда что? — Семен кивнул на прижавшегося к стенке Мора. — Выглядит так, словно его сам Темный Ангел из-за ободка за яйца схватил.

— Думаю, это нервное перенапряжение. Почудилось, видать, что-то, — церковник пожал плечами.

— Вроде же нормально держался все это время, — Семен с жалостью взглянул на Мора.

— Адреналин, — пояснил свою точку зрения отец Серафим. — Он схлынул, и нервы пошли вразнос.

— Я видел... — тихо, но очень отчетливо произнес Мормагон. — Видел какую-то тварь... — он неуклюже поднялся на все еще подрагивающие ноги.

— Повторяю, — спокойно сказал церковник, — в туалете пусто.

— Потому что он растаял в воздухе, — так же тихо возразил Мор. — Он таял как... как туман. — Он говорил почти шепотом, не поднимая глаз и боясь повысить голос.

— Еще раз тебе говорю — там никого нет. Даже остаточных эманаций не ощущается. Это была обычная игра теней на фоне нервного срыва после перенесенного стресса.

Мормагон поднял взгляд: отец Серафим, как и стоявший рядом Семен, смотрели на него с легкой жалостью, а в глазах церковника читалось и едва заметное раздражение. Было понятно, что они ему не верят.

— Я знаю, что я видел. — Опираясь здоровой рукой о стену, Мормагон медленно побрел в сторону своего купе.

Спиной он чувствовал направленные в его сторону взгляды отца Серафима, Семена и еще парочки пассажиров, вышедших на возню в коридоре. Он добрался до койки и сел на самый ее край. Опустив лицо в ладонь, он замер, но тело все равно была мелкая дрожь. Перед глазами вновь и вновь появлялась уродливая тварь, что смотрела на него из зеркала, а после лежала дохлая у его ног.

Он знал, что тварь в зеркале ему не привиделась. Нет. Она была там, на самом деле. Он помнил, как она напала на него. Помнил, как что-то пыталось проникнуть в него через распахнутый в немом крике рот. Как липкие щупальца чужой воли пытались пробиться в его сознание. Но он совершенно не помнил, как очутился на полу туалета. Вот демон нападает на него, а уже в следующую секунду он лежит на грязном полу.

Возможно ли, что демон не сдох, а сам он — Мормагон Князев — стал одержимым? Не зреет ли в его теле точно такая же тварь, в которую превратился помощник негодянта? Возможно, что в любую секунду он начнет перерождаться в богомерзкую нечисть, подобную той, что сейчас беснуется в демонической клетке. Эти мысли заставили его похолодеть от ужаса.

Я чувствовал, как трещит неокрепшая психика молодого аристократа. Слишком много потрясений и переломных моментов произошло в его жизни за ничтожный промежуток времени: не обрел чародейский дар, о котором мечтал, узнал, что родители променяли его будущее на благополучие сестры-потаскухи, родной отец отсек руку, неплохо избив перед этим. И словно этого было мало, в довершение всего на него напал самый настоящий демон. И еще этот церковник, что не желает верить ему, считая испуганным мальчишкой. И отчего-то последнее угнетало его сильнее всего, наваливаясь на плечи многотонным грузом.

Нужно было срочно вытаскивать его из той пучины, в которую он планомерно проваливался.

«Они такие же, как и все прочие, не верят тебе и считают трусом и слабаком. Ха-ха-ха! Ты встретился с демоном лицом к лицу и выжил, в то время как эта нечисть осталась лежать под твоими ногами. После всего этого, разве тебе важно мнение каких-то ничтожеств? Нет! Ты знаем правду, а на всё остальное плевать. Судьба снова старается вставить тебе палки в колёса, и в очередной раз она лишь ломает свои кривые зубы о твою стойкость.»

Уже знакомое ощущение поднимающейся из глубин души злости охватило сознание Мормагона. Вновь распахнул глаза разбуженный зверь. В голове послышался шорох — чешуя чудовища высекала искры из толстых прутьев стальной клетки. Зверь яростно оскалился, и всю неуверенность и переживания Мормагона смыло волной кипящего Гнева.

Вернулась рассудительность, и он осознал, что если бы стал одержимым, то уже давно начал бы трансформироваться в мерзкую тварь. Демон сдох, так и не успев ничего с ним сделать — лишь напугал до полусмерти. Мор обдумал свой страх и решил, что любой неподготовленный человек, оказавшийся на его месте, отреагировал бы ничуть не лучше. По крайней мере, он не обмочился.

До самого прибытия Мор просидел в купе. Отец Серафим так и не появился, видно, дежуря около закрытой двери, за которой в демонической ловушке сидел одержимый. Мормагон даже был этому рад: ему было куда как привычнее проводить время наедине с самим собой.

Выход поезда из междумирья нельзя было пропустить при всем желании. Мир словно обрел объем и вес. Ноги улавливали вибрацию, идущую от рельс к полу, а в уши ворвался звук перестука колес.

Мормагон встал с койки, перебрал сумку с вещами через плечо и вышел в коридор. Как и ожидалось, там царило настоящее столпотворение. Люди желали как можно скорее покинуть злосчастный вагон. Они переругивались, толкались и чуть ли не дрались, протискиваясь к все еще запертой двери.

В стороне от всего этого стояли лишь отец Серафим, Семен да еще парочка человек, не до конца потерявшие присутствие духа. Церковник заметил стоящего в дверях купе Мормагона и жестом его подозвал. На секунду в голове парня возникло желание показать тому неприличный жест, но он вовремя одумался. Он все еще помнил наставление отца Гавриила о том, что с наставниками лучше не ссориться.

— Да? — спросил Мор, подойдя ближе к церковнику.

— Как себя чувствуешь? — Заботы в хриплом голосе было не больше, чем целомудрия в доме терпимости.

Мор улыбнулся такому сравнению, отчего-то само собой всплывшему в его голове. Странно, раньше он за собой не замечал такого юмора.

— Уже лучше, — с улыбкой на лице ответил парень.

— Отлично. Без меня вагон не покидай, понял? — он пристально взглянул парню в лицо.

— Понял, — пожал плечами Мор и отошел в сторону, прислонившись к стене.

Церковник пристально на него взглянул, прищулив уставшие глаза, но вслух ничего говорить не стал.

С шипением гермозатворов дверь открылась, впуская в вагон протяжный вой тревожной сирены. Видимо, следящие артефакты почувствовали наличие одержимого в одном из вагонов и автоматически включили тревогу. Пассажиры, до этого толпившиеся у дверей, тут же подались назад в едином порыве, словно косяк рыб. Взгляды людей заматались, словно они пытались найти еще один выход, но уже на другой перрон, где бы не выла сирена.

— Что происходит?! — Снаружи в вагон заглянул мужчина в форме полисмена.

Расталкивая загомонивших людей, вперед вышел Семен. Встав у открытых дверей, он по-военному выправился. Его видно было лишь со спины, но и этого хватало для общего представления.

— Стрелецкий Семен Николаевич, — голос у военного был тверд. — Лейтенант лейб-гвардии Гренадерского полка, — отчеканил он. — Немедленно сообщите, что в вагоне находится одержимый. Есть жертвы среди гражданских. Тварь находится в ловушке и в данный момент угрозы не представляет. И побыстрее, любезный.

— Так точно! — зычно крикнул полисмен и тут же скрылся.

Семен обернулся к отцу Серафиму и молча тому кивнул, словно бы вопрошая. Тот отошел от дверей с одержимым и громко, но вместе с тем спокойно произнес:

— Послушайте, сейчас все вы в сопровождении лейтенанта Стрелецкого должны будете покинуть вагон. Прошу вас соблюдать спокойствие и благоразумие. Совсем скоро сюда придет отряд полиции, чтобы разобраться с проблемой, — он указал большим пальцем себе за спину. — Поэтому будет лучше, если вы не станете разбегаться, тем самым создавая самим себе ненужные проблемы. — Все время, пока он говорил, с его простого лица не сходила благодущная улыбка.

Его речь произвела успокаивающее действие на толпу. Пассажиры принялись один за другим спускаться вниз, вслед за прыгнувшим первым Семеном. Там они вновь сбились в кучку, преследуемые одним из древнейших стайных инстинктов: чем вас больше, тем меньше вероятность, что сожрут именно тебя.

Мормагон покинул вагон предпоследним. Парень прыгнул на перрон, похожий как брат-близнец на тот, что был в его родном городе. Он сразу же отошел в сторону, но встал отдельно от сбившихся в кучу пассажиров.

Из соседнего левого вагона также выходили люди. Сразу было заметно, что они хоть и напуганы, но испуг этот не имеет никакого отношения к самой поездке. Людей напугал вой сирены, и сейчас они со смесью страха и любопытства наблюдали за их вагоном.

Мормагон повернул голову вправо. В сторону головы состава их вагон соединялся с вагоном первого класса, предназначенным исключительно для перевозки аристократов, чародеев и

высокопоставленных чиновников. Хотя в большинстве случаев все это являлось одним человеком. Ну и еще все церковники также могли пользоваться услугами первого класса, куда ж без них.

И как раз в этот момент из дверей вагона первого класса с вальяжным видом хозяина жизни спустился дворянин. Высокий молодой мужчина в бордовой твидовой тройке, с переброшенной через правый локоть черненной тростью. На породистом бледном лице застыла гримаса презрительности и недовольства.

Он встал напротив своего вагона и окинул взглядом толпящихся пассажиров. На долю секунды его взгляд задержался на Мормагоне, но сразу же скользнул дальше, в сторону спешащего к нему отряда из дюжины полисменов. Те же, завидев недовольного аристократа, заметно стушевались, имея богатый жизненный опыт в общении с подобными персонами.

Поравнявшись с твидовым дворянином, отряд остановился, и вышедший вперед офицер вежливо поклонился ему. Расстояние было не слишком большим, и до Мормагона доносился их разговор:

— Ваше сиятельство. — С такого расстояния тон офицера разобрать было сложно, но на лице подобострастия заметно не было.

Сиятельство — значит, хлыщ является либо графом, либо князем. Князь — это сильно вряд ли, и даже не один из наследников оного: не того полета птица, чтобы путешествовать на поездах, пусть и в вагоне первого класса. Такие пользуются дирижаблями, что также, к слову, могут перемещаться в междумирье, причем куда как быстрее. А значит, хлыщ, скорее всего, граф, ну или один из сыновей.

Услышать дальнейший разговор помешал гул голосов, раздавшийся от пассажиров, начавших покидать перрон. Люди двигались в сторону здания вокзала, и так вышло, что мы оказались как раз возле одного из переходов. Гомон толпы нарастал, и то и дело кто-то не выдерживал и спрашивал о том, что случилось. Семен отправлял любопытствующих по их делам, причем в исключительно нецензурной форме. Из-за этого людской поток сильно замедлился, образуя самую настоящую давку на входе в подземный переход. Падение кого-то вниз по ступеням в такой толчее — лишь вопрос времени.

Однако вскоре людская масса значительно ускорила свое продвижение. Причиной тому послужила новая группа лиц в хорошо узнаваемой служебной форме. С той же самой стороны, откуда парой минут ранее показались полисмены, двигались еще шестеро человек в черных костюмах. Они быстро поравнялись с отрядом полиции и, не став возле них задерживаться, направились в нашу сторону.

Тринадцатый специальный отдел безопасности, в народе обычно именуемый тайной канцелярией или охранкой. Хотя так граждане называли большинство специальных ведомств Империи, не делая между ними особой разницы. Но тринадцатый, помимо официального, был известен под менее благозвучным именем — «гробовщики».

Название пошло от того, что все служащие отдела всегда носили комплект одежды из черного костюма, черной рубашки и такого же цвета туфель. Возможно, на первый взгляд, их было бы логичнее назвать воронами, но это обращение плотно закрепилось за церковниками, занимающимися изгнанием потусторонних существ. Тринадцатый отдел, к слову, занимался тем же самым, поэтому эти две группы довольно часто работали вместе: гробовщики и вороны.

Присутствие кого-то из них четко говорило, что в деле замешаны демонические силы. Как правило, люди старались убраться как можно дальше от того места, где появлялись эти люди в черном. Так произошло и в этот раз: к тому моменту, как сотрудники охраны приблизились к вагону, переход полностью опустел.

Вперед вышел мужчина с абсолютно незапоминающимся лицом. Вряд ли оно у него такое от рождения, скорее работа скрывающего артефакта, искажающего внешность владельца. На

это намекала общая схожесть всех подошедших сотрудников охраны: словно шесть родных братьев. Картина, честно сказать, жутковатая.

— Капитан Веселов, — представился подошедший. — Что произошло? — безликим, под стать внешности, голосом спросил он.

— Низший одержимый, — ему навстречу шагнул отец Серафим. — Нам удалось заманить тварь в ловушку, но не обошлось без жертв, — словно солдат на строевой, отчитался церковник. — К слову, господину Стрелецкому, — он указал на подошедшего Семена, — необходима медицинская помощь. — И, видимо, уловив намек на непонимание в безжизненных глазах Веселова, пояснил: — Он был ранен одержимым. Подозреваю отравление.

— Понял, — капитан кивнул своим подчиненным, что, подобно манекенам, стояли у того за спиной.

Получив сигнал к действию, трое гробовщиков споро направились к дверям вагона. Скорее всего, один из них являлся чародеем, способным изгнать или уничтожить засевшую в теле Демьяна погань. К сожалению, самому помощнику негоцианта, как, впрочем, и его работодателю, помочь уже было нельзя.

Разве что вызвать посла из консульства империи Зага.

Чернокожие колдуны Заги издавна делали упор в своем развитии на некромантию. Мормагон где-то читал, что у загийцев не принято хоронить или сжигать своих мертвецов. Тела покойных после особой процедуры бальзамирования, призванной не дать развиваться некрозу, возвращают к некому подобию жизни.

Зомби под управлением колдунов-погонщиков занимаются работами на плантациях, добывают руду в многочисленных шахтах и используются во многих других отраслях промышленности. Ну и конечно же, никто не отменял армию. Загийская тяжелая пехота драугров наводила неподдельный ужас на всех соседей империи некромантов. Настолько, что одним из основных источников доходов Заги была дань, которую выплачивали все государства на материке.

Благо, аппетиты Заги ограничивались лишь их родным континентом Леталис. Из уроков истории, преподаваемых Мормагону, он знал, что мертвые крайне плохо переносят близкое средоточие водной стихии. Зага попросту была неспособна на полномасштабную переброску войск через океан, не потеряв при этом большую часть боеспособности нежити.

— Я так понимаю, наш вагон не единственный, куда проник демон? — глядя в сторону аристократа, что-то выказывающего сотрудникам полиции, спросил Семен.

— Верно, — кивнул капитан. — Аналогичное происшествие случилось и в соседнем с вашим вагоном. К счастью, господин Огнев достаточно сведущ в тайных практиках и сумел ликвидировать опасность. К сожалению, не обошлось без жертв. — Сожаления в мертвом голосе замечено не было.

— Думаете, это не случайность? — спросил церковник.

— Думаю, не стоит делать поспешные выводы, — его тон не изменился, но сразу стало ясно, что дальше эту тему развивать не стоит. — Что с остальными пассажирами? — перевел разговор старший гробовщик.

— Раненых, кроме господина Стрелецкого, больше не имеется. Проводница в состоянии шока, — Серафим указал на все еще невменяемую девушку. — Думаю, ей понадобится помощь квалифицированного духоведа. Будет лучше, если бедняжка вовсе не вспомнит события этой поездки.

— Приму к сведению, — выражение на лице Веселова осталось прежним.

Не изменилось оно и тогда, когда из открытых дверей вагона послышался пронзительный, переходящий на ультразвук визг. Мормагон поморщился от накотившего на него ощущения чего-то непередаваемо мерзкого. Словно кто-то прошелся мелким напильником по кромке зубов, счесывая пару миллиметров эмали.

Похожие чувства, судя по их реакции, испытали и столпившиеся на перроне пассажиры. По крайней мере, от них послышались приглушенные болезненные стоны. Кто-то выругался.

На меня звук не оказал влияния вовсе. Лишь возникла ассоциация с работающей на полных оборотах бормашиной стоматолога.

Спустя пару минут на перрон из вагона прыгнула троица гробовщиков. Вид у них был такой же отстраненный, как и пятью минутами ранее. Они споро подошли к своему начальнику, и тот, что держал в руках портфель, отчитался:

— Господин капитан, одержимый устранен. По предварительной оценке — низший химеротропный тип. Также были осмотрены тела погибших.

— Хорошо, Сергей, — прервал его Веселов. — Более подробно опишешь в рапорте. А пока займитесь останками в вагоне графа Огнева. — Тот, кого назвали Сергеем, молча кивнул, и вся троица отправилась выполнять приказ.

Мормагон смотрел им вслед, но его взгляд почти всегда возвращался к фигуре графа. Огнев все же был графом, хотя это Мормагон знал и так. Как-никак, а курс геральдики был обязательным для человека его сословия, и барон Князев не стал пренебрегать данной дисциплиной.

Я чувствовал, как в душе парня ворочается ком из злости, обиды и зависти. Прямо сейчас Мормагон смотрел на живое олицетворение того, кем всегда хотел стать он сам: могучий боевой чародей, повелевающий потоками эфира и разящий своих врагов смертоносными заклинаниями. Настоящая опора и гордость великого рода. Мор мог поспорить, что ему-то вряд ли доводилось видеть презрительный взгляд своего отца.

Отцу Серафиму потребовалось немало времени, сил и человеческая жертва, чтобы просто обезвредить низшего одержимого. Да еще помощь Семена и прочих пассажиров, что расчищали купе и волокли потом туда негоцианта. Самому Мормагону едва удалось сохранить жизнь и рассудок после встречи с тварью из зазеркалья. А граф Огнев играючи расправился с тварью, что вселилась в тело его служанки, и даже не помял костюм. Единственное, что омрачило его поездку, — это то, что пришлось самому наливать вино в свой бокал...

— Вы уведомили Церковь? — спросил отец Серафим у капитана, как только он закончил раздавать приказы.

— Всенепременно. Их отряд должен прибыть с минуты на минуту, — на лице Веселова мелькнула улыбка — словно трещина на фарфоровой вазе. — А вы? — он чуть прищурился, заглядывая в лицо собеседника.

— Иерей Чергородской обители отец Серафим, — представился церковник. — Сопровождаю абитуриента до места учебы, — он указал на Мормагона.

Капитан Веселов мельком взглянул на парня, чуть задержавшись на покалеченной руке. Мор чуть повернул корпус, поворачиваясь к гробовщику вполоборота, прикрывая левый бок. Ему все еще было неприятно, когда люди смотрели на отсутствующую конечность. Это лишний раз напоминало о неполноценности, с которой ему еще только предстоит научиться жить.

А он и без этого слишком часто сталкивался с проблемами, связанными с утратой руки. Один поход в туалет чего только стоил... хотя про туалет лучше не вспоминать.

— Мормагон Князев, — представился парень, соблюдая минимальные правила приличия.

— Князев? — В голосе капитана мелькнуло что-то, весьма отдаленно похожее на удивление. — Редко встретишь дворянина, решившего посвятить себя служению Церкви...

— Это не мое решение, — коротко ответил Мор, отворачиваясь от Веселова.

На этом, по всей видимости, любопытство гробовщика было исчерпано, и он вернулся к отцу Серафиму.

— Мои люди проводят пассажиров к зданию вокзала, где они смогут дождаться святых отцов. — Он повернулся ко все еще стоящим за его спиной двум подчиненным. — Выполняйте.

Семена отправили вместе с остальными пассажирами. Лейтенанту требовалась помощь сведущего лекаря из-за отравления одержимым. Он хоть и храбрился, но уже было видно, что ему становится хуже: Семен сильно потел, и у него начали слезиться глаза.

Вскоре после того, как пассажиры покинули перрон, временно опечатанный для прибытия поездов, вернулась первая троица гробовщиков. Компанию им составлял граф Огнев собственной персоной.

— Граф, — коротко поклонился капитан Веселов, приветствуя аристократа.

— Я тороплюсь, любезный, — в голосе графа сквозило плохо скрываемое высокомерие.

Вблизи стало ясно, что граф немного выше Мормагона. Разговаривал Огнев, чуть задирая подбородок, отчего и без того сильная аура высокомерия казалась вполне ощутимой. Еще одним запоминающимся элементом его внешности были тонкие щегольские усики, которые он поглаживал время от времени.

— Всенепременно, ваше сиятельство. Всего один вопрос: когда появился одержимый?

— Вскоре после отправления. Тварь захватила проводницу и напала на мою служанку. Мне пришлось сжечь обеих, — в его глазах цвета запекшейся крови будто полыхнул отблеск пламени. — Так что, поверьте мне, я сейчас не в лучшем расположении духа, любезный. Это все? — Он презрительно взглянул на гробовщика и, не дожидаясь ответа, зашагал в сторону вокзала.

Мормагон смотрел вслед чародею, что уходил прочь, и никто даже думать не смел о том, чтобы ему помешать. Именно такой силы искренне желал парень, а не статуса церковника, хоть и сколь угодно весомого. В душе вновь шевельнулась злость. Злость на семью, судьбу и этого чародея, что живет той жизнью, которой ему — Мормогону Князеву — не обрести. Он осознал, что одновременно восхищается и презирает этого колдуна.

Я намеренно распалял злобу парня. Зная его характер, я четко осознавал, что без постоянной подпитки его мотивации хватит самое большее на месяц. А после он, разочарованный отсутствием видимых результатов, засядет в библиотеке за чтением какой-нибудь лабуды. Он всегда так делал — слишком рано и часто сдавался. Единственным, на что его хватило, была шпага. И та была скорее детским увлечением, нежели реальной попыткой овладеть клинком.

Такой, как сейчас, он будет для меня бесполезен. Все, что ему светит, — это должность приходского священника где-то в медвежьем углу Империи или миссионера в диких землях. Ни там, ни там я не сумею обзавестись собственным телом, а жить в роли сателлита, честно говоря, очень херово.

Поэтому я всеми силами буду менять его характер, тем более что поглощение демона как-то повлияло на мое эфемерное тело. Возможно, у меня получится влиять на парня чуть более точно, чем я это делаю сейчас.

— Согласен, крайне неприятный человек, — глядя вслед Огневу, сказал капитан Веселов.

Он, видимо, по-своему интерпретировал выражение лица Мормагона. У парня никогда не получалось хорошо прятать эмоции: все мысли были словно написаны у него на лице. Матушка всегда могла сказать, о чем сейчас думает ее младший сын. Что до отца... тот вообще редко когда смотрел ему в глаза...

— Не совсем понимаю, о чем вы... — Мор знал, что гробовщик ему не поверил, но парню откровенно было плевать на это.

— Капитан, — к Веселову обратился отец Серафим, — полагаю, наше присутствие более не требуется?

Веселов посмотрел на подошедших подчиненных. Тот, что носил портфель, коротко кивнул капитану. Выражение бледного лица подчиненного никак не поменялось при этом. Казалось, что право на мимику — это привилегия, получаемая как минимум с капитанской должностью. Но, скорее всего, дело было в утилитарности артефактов, насылающих колдовской

морок. Чародею, видимо, было лень мудрить с настройками целой прорвы артефактов, и он раскидал их по единому шаблону.

— Да, — кивнул церковнику капитан. — Не смею вас более задерживать, отче. — Правый уголок рта едва заметно дернулся вверх, намечая усмешку. — Надеюсь, что по прибытии в монастырь вас не затруднит переслать копию рапорта в наше управление? — спросил Веселов напоследок.

— Не извольте сомневаться, — сухо ответил церковник. — Пойдем, — позвал он Мормагона.

К зданию вокзала шли молча. Отец Серафим, хоть и был ниже ростом, но Мормагону приходилось стараться не отстать от провожатого. Благо, сумка с вещами не была объемной и позволяла нести себя с помощью неполного комплекта конечностей.

Из-за происшествия с их поездом следующего экспресса пришлось ждать около полутора часа. Большую часть этого времени Мормагон провел за чтением все той же книги, что позаминствовал в лечебнице.

Иногда он поглядывал на церковника, сидящего на соседней скамье. Отец Серафим все это время что-то записывал в толстый блокнот, время от времени покусывая карандаш. На своего подопечного он не обращал никакого внимания ровно до тех пор, пока не подошел их поезд.

Это был такой же локомотив, как и тот, на котором они сюда добрались. Только в этот раз билеты покупал Серафим, поэтому путь до Чергорода прошел не в комфортабельном купе, а в обычном вагоне с сидячими местами по два в ряд. Благо хоть кресла смотрели в сторону движения поезда и не пришлось играть в гляделки с пассажирами.

Все полтора часа дороги Мормагон провел в тревожном ожидании чего-то плохого. Парню казалось, что вот-вот закричит проводница или кто-то из пассажиров кинется на соседа, чтобы вцепиться в того отросшими клыками. Но ничего этого не случилось, к великому облегчению Мора.

Локомотив штатно, хоть и с небольшим опозданием, прибыл на Чергородский вокзал, где, кроме отца Серафима и Мормагона, сошло еще с десяток человек.

Церковник, не сбавляя шаг, уверенно направился к выходу. Мормагон поспешил следом, все так же стараясь не отставать. Когда они вышли на улицу, Мормагон понял, что близится вечер: Алфсхир неуклонно двигалась к шапкам заснеженных пиков, видневшихся далеко на западе. Мор впервые лицезрел горы вживую, а не на фотокарточках или страницах книг. Неудивительно, что парень остановился посреди тротуара, во все глаза глядя на белоснежные пики.

В голове у него родился вопрос: обитают ли в недрах этих гигантов дворфы?

— Нет, — хрипло каркнул отец Серафим. — Ты произнес это вслух, — пояснил церковник, заметив замешательство на лице подопечного. — На нашем материке они занимают Драконию хребет — это горная цепь на северной границе Империи.

Драконию хребет, подумал я. Более клишированного наименования еще поискать нужно.

— Ясно, — смущаясь, кивнул Мормагон и последовал за удаляющимся церковником.

Они отошли от вокзала на добрые полкилометра, когда отец Серафим по одному ему ведомым критериям выбрал карету извозчика. Он уверенно подошел к жуликоватого вида кучеру, охаживающему пару тягловых коней. Мор быстро подметил, что в Чергороде эта порода пользовалась большой популярностью у извозчиков. Мощные звери, достигавшие в холке добрых три метра, с боками, покрытыми толстой чешуйчатой шкурой, и тремя парами могучих ног.

В старые времена эта и подобные ей породы использовались исключительно в военных целях. Такой скакун мог запросто нести на своей спине тяжелого кавалериста или рыцаря в полном боевом облачении, при том, что и сам конь заковывался в броню, весившую пару

сотен килограмм. Ударные отряды тяжелой конницы сминали вражеские ряды пехоты, создавая брешы для прорыва союзников.

Но вот уже как пару веков на смену боевым дестриэ пришли ездовые големы. Преимущество механизированной конницы было в том, что скакунов не нужно было кормить, обихаживать и, что самое главное, не нужно было тратить время на их подготовку.

На обучение боевого коня уходил не один месяц кропотливой работы, и не было гарантии, что животное не взбрыкнет во время первой лобовой атаки. Да и не каждая лошадь по своему характеру и физическим качествам подходила под строгие критерии отбора. Так что появление ездовых големов, даже несмотря на стоимость их производства, стало куда как выгоднее для военной машины Империи.

И вот именно такая пара была запряжена в большую восьмиколесную карету, покрытую чуть облупившимся лаком. Возница, занимавшийся чисткой антрацитовых чешуек на боку черного дестриэ, при их приближении заметно оживился. Поправив свой выдавший лучшие годы сюртук, он щербато улыбнулся потенциальным клиентам.

— Господа, желаете зарезервировать мой экипаж? — Мужчина похлопал по крупу коня, вернее, тому месту, до которого мог дотянуться.

Отец Серафим молча сунул ему под нос какой-то предмет, выуженный из внутреннего кармана пиджака. Увиденное моментально преобразило кучера: мужчина подобрался, убрал с лица идиотскую улыбку и очень серьезно кивнул церковнику. Тот, убрав вещь обратно, без лишних разговоров полез внутрь кареты.

Внутри экипаж напоминал увеличенную копию их фамильной кареты, разве что сильно потрепанной. Складывалось ощущение, что жуликоватый кучер каким-то образом получил бывшую дворянскую или министерскую карету, но не добыл средства на ее уход. Ровно эти мысли он и озвучил сидящему напротив церковнику. Впрочем, отец Серафим проигнорировал слова парня, занятый записями.

Мормагону ничего не оставалось, кроме как глазеть в застекленное окно экипажа. Карета уже покинула город и, судя по всему, катилась по мощеному тракту в сторону видневшихся вдалеке горных пиков. Задавать вопросы на тему «куда мы едем?» Мор не стал. Он и так уже знал, что Чергородский монастырь, несмотря на свое название, находится где-то в предгорьях Медвежьих гор. Что было еще любопытней, так это то, что в этих самых горах никто и никогда не встречал ни единого медведя.

Мормагон еще раз бросил взгляд на сосредоточенного церковника и нервно дернул щекой, гася невесть откуда взявшийся укол злости. Его немного беспокоили эти кратковременные приступы, которых до недавнего времени он за собой не замечал. Наоборот, он всегда считал себя тихим и рассудительным человеком, не склонным к проявлению ярких эмоций.

Эти перемены молодой дворянин связывал с теми событиями, что выпали на его судьбу. Воспоминания неприятно кольнули, вызвав вспышку зуда в левом предплечье. Он схватил культию чуть выше локтя, с силой сжимая плечо, стараясь унять перерастающий в ноющую боль зуд. Выходило так себе, отчего он еще больше злился, кривя лицо.

— Беспокоит? — не отрываясь от блокнота, спросил церковник.

— Все нормально. — Откровенничать с отцом Серафимом ему не хотелось.

После слов церковника, сказанных им в поезде, у Мормагона возникла резкая антипатия к священнослужителю. Где-то в глубине души он понимал, что поведение Серафима в тот момент было логичным: кроме самого пострадавшего, больше никто не видел демоническую тварь. Но когда логика мешала человеческому фактору?

Погруженный в размышления, Мор продолжил рассматривать довольно-таки унылый пейзаж, простирающийся за окном. Мимо, на солидной скорости, проносились холмы — предвестники своих более старших братьев, к которым и двигался экипаж. За холмами, благо

излишней высотой они были обделены, виднелась полоса темного хвойного леса, простирающегося, казалось, до самого горизонта.

Ночь опустилась внезапно. Еще минуту назад, хоть и смеркалось, но до наступления темноты, как к этому привык Мор, оставалось еще по меньшей мере пара часов. Переход от света к тьме был столь стремительным, что Мормагон даже немного опешил. Казалось, это не Алфсхир скрылась за пиками Медвежьих гор, а неведомый великан из древних легенд накрыл экипаж тяжелым пологом. Парень впервые был в горах и еще не знал, как быстро здесь может происходить смена времени суток.

Ознаменовали приход темноты и эфирные фонари, зажегшиеся мертвенно-голубоватым светом на всех четырех углах экипажа. Их мощности едва хватало, чтобы осветить полосу в пару метров вокруг кареты. Они больше служили для обозначения габаритов, нежели для освещения дороги.

Дело в том, что дестриэ прекрасно ориентировались в темноте, и яркий свет мог помешать лошадям разглядеть путь. Кучер же обычно пользовался простеньким артефактом, надевавшим владельца ночным зрением. По крайней мере, Мормагон искренне на это надеялся.

Внутри кареты также зажегся чуть желтоватый светляк, находившийся под потолком. В его неярком свете лицо сидящего напротив отца Серафима приняло несколько гротескные очертания. Словно перед Мором сидел не живой человек, а высеченная из камня горгулья. Это сравнение немного подняло мрачное настроение парня, заставив выдавить из себя легкую усмешку.

До ворот монастыря, обозначенных ярко горящими фонарями, экипаж добрался ближе к полуночи. Пара хмурых охранников, дежуривших в караулке, впустили карету лишь после тщательного досмотра. Бородатый детина, больше похожий на лесного разбойника, нежели на служителя Церкви, даже заглянул внутрь.

В заросшую колючей бородищей физиономию отец Серафим ткнул каким-то медальоном, выуженным из внутреннего кармана пиджака. Его же, по всей видимости, он показывал и извозчику. Причем что на первого, что на второго медальон оказал похожее действие: охранник тотчас сделался до крайности вежливым и без лишних разговоров велел отпереть ворота.

Интересно, что это за медальон? Вернее, на принадлежность к какой структуре или организации своего владельца он указывает?

То, что отец Серафим не простой священнослужитель, я понял сразу. И вряд ли медальон — это знак преподавательского состава духовной семинарии. Тут что-то другое. И как назло, в памяти Мормагона никакой нужной информации по этому поводу не было. Церковник светит железкой, как ФСБ-шник ксивой, причем с похожим результатом.

— Выходим, — скомандовал отец Серафим, как только возница остановил экипаж где-то во внутреннем дворе.

Церковники, вопреки своему обыкновению, словно бы экономили на освещении. Во дворе было темно — хоть глаз выколи, как говаривали служанки в усадьбе. Лишь тусклые световые пятна освещали небольшие пяталки, словно указывая дорогу.

— Идем. — Отец Серафим, ни на секунду не растерявшись, направился к ближайшей цепочке из световых пятен.

Мор оказался прав, и фонари действительно подсвечивали дорогу. Правда, парень действительно не понимал, почему нельзя было сделать освещение нормальным. Расстояние в десяток шагов, разделяющее световые пятна, приходилось преодолевать в крошечной темноте. Благо, дорожка была вымощена хорошо подогнанной плиткой, и ноги не цеплялись за неровности.

Дорожка привела к какому-то строению из красного кирпича, который так любили церковники. На входе дежурил охранник, своей статью напоминавший своих собратьев на воротах. Завидев их процессию, он подобрался, перехватывая тяжелый самовзводный арбалет, и громко спросил:

— Кто такие будете? — Голос был под стать внешности.

— Митрофан, ты? — От каркающего голоса, услышанного из темноты, охранник, казалось, вздрогнул.

— Отец Михаил? — заметно расслабившись, уточнил Митрофан.

Проверка, понял я. Расслабленная поза охранника чересчур нарочита, как будто бы напоказ. Арбалет не опущен, а отведен в сторону так, чтобы в любой момент можно было вернуть его на линию атаки. Умно, хоть и не слишком оригинально.

— Не угадал, — отец Серафим шагнул в пятно света, откуда его можно было хорошо рассмотреть. — Молодец, бдишь, — подтвердил мою догадку церковник.

— Стараемся, отче. А это кто с вами? — Дитина указал бородой на Мормагона.

— Новый ученик, — пояснил отец Серафим. — Нужно определить его на ночлег.

— Сделаем, — подбоченился Митрофан. — Выделим лучшую комнату, так сказать. — Он снял с пояса связку зазвеневших в ночной прохладе ключей, отпирая дверь.

— Митрофан выделит тебе место, чтобы ты смог отдохнуть. Я заберу тебя утром, чтобы оформить все необходимые бумаги, — глядя на него, сказал отец Серафим.

Мормагона услышанное порадовало. Ему дико хотелось спать, но он всеми силами старался этого не показывать. Даже голод терзал молодой организм не с такой настойчивостью, как банальное желание лечь в теплую постель.

Кивнув церковнику, он направился к зияющему желтым светом проему.

Келья, к которой Мора привел Митрофан, находилась на втором этаже в конце коридора. Это была небольшая комната с одинокой кроватью, небольшим письменным столом да узким шкафчиком. Даже окна тут не было, словно это была не жилая комната, а тюремная камера. Хотя даже там имелось небольшое окошко.

Впрочем, для Мора сейчас самым главным было наличие кровати. Парень, не снимая дорожной одежды, тут же рухнул на нее, стоило только закрыться двери за спиной. Единственное, на что хватило сил — скинуть обувь.

Глава 6

Мормагона разбудил тяжелый стук в дверь и звук отпираемого замка. Встав с кровати, парень зябко поежился. За прошедшую ночь келья успела довольно сильно остыть, и температура, судя по ощущениям, была не сильно выше минусовой. Вчерашнее нежелание раздеваться оказалось чертовски удачным. Все же Чергородская губерния находится сильно севернее, и климат здесь соответствующий.

Когда дверь открылась, на пороге стоял отец Серафим. На мужчине вместо дорожного костюма было черное церковное одеяние. Войдя в келью, он мельком огляделся, будто здесь, помимо Мормагона, мог быть кто-то еще. Окинув парня своим бесстрастным взглядом,скомандовал:

— Собирайся, — после чего вышел в коридор.

Сборы заняли ровно то время, которое можно было потратить на натягивание обуви. Хотя делать это одной рукой, даже несмотря на отсутствие шнурков, — та еще морока.

— А куда мы идем? — спросил он у церковника, как только вышел из кельи.

— Как придем, так и узнаешь, — лаконично ответил тот.

Когда они вышли на улицу, то в лицо Мора тут же пахнуло промозглой свежестью, заставляя парня поежиться. Мормагон огляделся и понял, что находится во внутреннем дворе замкового комплекса. Он удивленно распахнул глаза во всю ширь, разглядывая самое необычное зрелище в своей жизни.

Перед Мормагоном раскинулся огромный гротескно-мрачный замок, словно бы вырубленный из монолита горы, в тени которой он и пребывал по сей день. У парня захватывало дух от одного этого вида, и он даже не заметил, как замер, едва не раскрыв от изумления рот.

Все вокруг несло отпечаток минувших столетий, создавая тяжелую атмосферу, словно бы давящую на плечи. Не добавляли радости и низко проплывающие свинцовые тучи, с которых вниз срывались редкие снежинки. Они медленно падали на каменные плиты двора, закручиваясь у самой земли в причудливом танце. Стоп. Какой еще снег и свинцовые тучи? Весна ведь.

Только сейчас до Мормагона дошел смысл картины перед глазами. Вокруг царила если не зима, то явно поздняя осень. Он поежился, когда очередной порыв промозглого ветра забрался ему под одежду.

Опомнившись, Мормагон быстро нагнал церковника, успевшего отдалиться на пару десятков метров, и, пристроившись сзади, продолжил вертеть головой. Только теперь, когда первое впечатление минуло, он заметил и другие строения, разбросанные по двору эдаким небольшим городком. Это были уже более привычного вида строения, которые можно было найти практически в каждом уголке Империи. Двух- и трехэтажные прямоугольники из кирпича и камня стояли вдоль узких улочек, по которым по своим делам прохаживались люди. Обычные горожане разбавлялись немалым количеством церковников в рясах, преимущественно черного цвета.

До мрачной громады замка они добрались спустя минут пятнадцать, за которые Мор успел промерзнуть до подштанников. Ему не показалось: высоченное архитектурное чудо действительно было не построено, а вытесано из базальтового горного склона, к которому, по всей видимости, до сих пор и примыкало.

Подступы к нему преграждала стена в три человеческих роста высотой с массивными коваными воротами, которые уместней было бы назвать Вратами. Они были распахнуты, и проход охраняла четверка бойцов в сегментарных доспехах, больше похожих на матово-черную чешую. У каждого в руках по тяжелому самовзводному арбалету и сабле на поясе. Шлемы были глухими. Забрало представляло собой монолитный металл, отполированный до зеркаль-

ного блеска. При всем этом трудностей в обзоре они не испытывали. По крайней мере, приближение отца Серафима они увидели, поприветствовав того молчаливыми кивками. Скорее всего, шлемы — сложный маго-военный артефакт. Да и вся остальная броня, скорее всего, тоже.

Внутри замка они вошли через арочный портал, столь широкий, что одновременно им могло воспользоваться человек семь, выстроенных в шеренгу. Внутри, сразу после входа, встречал атриум с двумя рукавами коридоров, уводящих в противоположные от расположенной по центру лестницы, ведущей наверх. Церковники, по одному-двое или целыми группами, сновали словно гигантские муравьи. Они двигались преимущественно без особой спешки — размеренно, но вместе с тем создавалось ощущение, что людской поток может сбить тебя с ног и уволочь вслед за собой.

Конечной точкой маршрута являлась тяжелая дубовая дверь, украшенная резными орнаментами. Возле нее, подпирая стену, стоял молодой монашек в серой рясе. На узком лице поблескивали круглые стекла очков, которые он то и дело поправлял.

— Отец Серафим, — голос у монашка был приторно-учтивый, можно даже сказать, услужливый. — Владыка ожидает вас. — Стоящего рядом Мормагона он нарочито проигнорировал.

Не дожидаясь ответа, монашек постучал пару раз в дверь и тут же толкнул ее вовнутрь. Сам заходить не стал, пропуская вперед Серафима и Мормагона.

Помещение за дверью, судя по обстановке, являлось чьим-то кабинетом. Хотя, что значит чьим-то? Монашек же четко сказал, что их ждет Владыка.

Кабинет Владыки был весьма обширным. На левой половине, в которую сразу же попадали визитеры, располагался рабочий стол и несколько заставленных книгами шкафов, подпирающих стены. Правая же половина больше напоминала гостевой зал в поместье какого-нибудь аристократа. Пять массивных, обитых темно-зеленым бархатом кресел стояли полукругом у приземистого столика, на котором был расставлен чайный сервиз. И вся эта композиция расположилась рядом с широким камином, в котором в данный момент весело полыхало яркое пламя.

В центральном кресле сидел худощавый старик в расшитой золотом белоснежной мантии. На сухом, лишенном растительности лице застыло некое подобие благодушной улыбки. В длинных, узловатых пальцах, больше напоминающих паучьи лапки, он держал исходящую паром чашку. В целом, старик производил впечатление доброго дедушки.

— Владыка Василий, — первым поприветствовал старика отец Серафим, опускаясь на одно колено.

Мормагон, видя это, тоже решил последовать примеру церковника, опускаясь вслед за ним.

Старик растянул тонкие губы шире, обнажая на удивление белые зубы. Потянул носом воздух, вдыхая густой аромат чая, витавший в помещении. А после аккуратно поднес чашку ко рту и очень осторожно сделал первый глоток.

— Фффьють-а-а... — громогласно пронеслось по кабинету. — Присаживайтесь, — благодушно разрешил хозяин кабинета.

Мор уселся в дальнее кресло, что стояло около камина. После уличной промозглости хотелось хоть немного согреться. Жар огня нагрел мебель, отчего по телу тут же начало распространяться приятное тепло. Серафим же, напротив, сел рядом со стариком, что самозабвенно пил чай.

— Йонас, мальчик мой, — сделав очередной глоток, произнес старик, — предложи нашим гостям чаю.

Давешний монашек, стоявший у дверей, появился словно из воздуха. В руках он уже аккуратно держал пузатый чайник. Из носика тянулась тонкая струйка пара. Йонас в пару

неуловимых движений расставил чашки и тут же наполнил их. В его движениях чувствовалась немалая сноровка. Было видно, что монашка очень хорошо вышколила. Что говорить — слуги на приеме у губернатора по сравнению с Йонасом криворуким свинопасы.

— Владыка... — начал разговор отец Серафим, но старик прервал его одним движением.

— Сначала выпьем чаю. — Сухая, словно ветка, рука легла на плечо церковника. — Он сегодня особенно хорош. Фффьють-а-а. Вон, погляди, — он кивнул в сторону притихшего Мора, — юноша совсем продрог — вон как трясется.

А Мормагона и правда потряхивало. Он поначалу подумал, что это из-за холода, но нет. Просто в душе поселилось некое иррациональное чувство тревоги.

Как только Мор вошел в кабинет, я почувствовал что-то странное. А когда в поле зрения парня возник старик, я откровенно запаниковал. С первого взгляда стало понятно, что Владыка далеко не простой человек. От него во все стороны расходились волны энергии. Он словно бы светился изнутри, будто у него в груди спрятано миниатюрное солнце. Про таких говорят: отмеченный благодатью Архангела. Другими словами — церковный маг.

И если он захочет просканировать Мора на предмет незаконных мигрантов из других миров, то мне нужно будет сильно постараться, чтобы остаться незамеченным. Поэтому я принял единственно верное решение — постарался забиться в самый дальний угол сознания парня, попутно прикрываясь ментальным щитом.

Я успел вовремя. Уже через мгновение аура старика вспучилась десятком световых щупалец. Они беспрепятственно проникли в тело Мормагона, разветвляясь, словно золотой плющ.

Мешать им я даже пытаться не стал, полностью сосредоточившись на своем сокрытии. Я ощущал себя крысой, загнанной в угол собачьей сворой. Они рыщут по подворотне, вынюхивая мой след. А я, меж тем, спрятался в самой вонючей мусорной куче, надеясь, что смрад укроет меня.

В качестве ментального щита я использовал воспоминания Мормагона. Еще пару дней назад я бы не сумел провернуть нечто подобное, но помогла сущность демона. Из глубин сознания парня я вытащил моменты, рассматривать которые вряд ли кто захочет. Мой ментальный щит был соткан из воспоминаний Мора о его рукоблудстве и сексуальных фантазиях.

И это сработало! Щупальца пару раз касались щита, но тут же соскальзывали, словно с чего-то несущественного. Я старался завернуться в эти мысли, словно в саван, максимально минимизировав свое присутствие.

Не знаю точно, сколько продолжалась экзекуция. Но когда я все же решился сбросить щит, Мормагон уже допивал свой чай. Кажется, пацан вообще ничего не почувствовал. Скорее всего, в тот момент, когда я закрылся, сильно ослабла ментальная связь. Ладно. Об этом подумаю позже, а сейчас лучше сконцентрироваться на начавшемся разговоре.

— Ваше Преосвященство, — нарушил молчание Серафим, — это и есть тот юноша, о котором писал брат Гавриил.

— Фффьють-а... — старик чуть вздернул то место, где когда-то давно у него была бровь.

— Я бы хотел вас попросить...

— Я уже посмотрел на него, Серафим, — чуть насмешливым голосом ответил старик.

Мормагон непонимающе переводил взгляд с отца Серафима на Владыку. В голове роились десятки вопросов. Отец Гавриил — настоятель собора, писал им о нем? Но зачем? А самое главное, что? И чем ему это может грозить? В том, что его здесь ждет нечто хорошее, Мор не верил. Уж слишком часто жизнь отвешивала ему подзатыльники, чтобы продолжать верить во что-то светлое. Но может быть, все же...

— Его догадки подтвердились? — задал новый вопрос Серафим.

— Скорее всего, то, что обнаружил брат Гавриил, стало следствием воздействия эфира. К сожалению, временным, — Владыка впервые посмотрел Мормагону в глаза.

— Что вы хотите сказать, Владыка... — после секундной заминки все же спросил Мор. От внимания парня не укрылась реакция Серафима. Церковнику явно не понравилось, что Мор влез в разговор.

— Я говорю, что вы зря тратите мое время. Я не чувствую в тебе того, что описывал брат Гавриил, — тон его был все таким же — чуть насмешливым.

— Скорее всего, то был временный эффект от священной реликвии.

Мор ошарашенно вжался в спинку кресла. Перед глазами все поплыло от обиды и разочарования. Временный эффект... Ровно то же самое говорил ему тогда отец. Выходит, что он был тогда прав?

— И что теперь? — безжизненным голосом спросил парень.

Хотя в глубине души ему уже было абсолютно безразлично, что ему ответят. В очередной раз судьба отвесила ему звонкую оплеуху. Ответа Владыки Василия он не дождался. Казалось, старик уже забыл о нем, как о чем-то несущественном. Он — Мормагон — оказался неинтересен и бесполезен для хозяина этого кабинета.

— Пойдем, — отец Серафим мягко, но настойчиво потянул его за рукав.

Парень шагал за церковником словно сомнамбула. Он все время возвращался к тому спору с отцом. Вспоминал, как убеждал того в своей состоятельности и обретенном здоровье. А что в итоге? Все как и всегда.

Как они дошли до жилого крыла, Мормагон не помнил. Более-менее в себя он пришел лишь когда отец Серафим потряс его за плечо. Проморгавшись, словно только что проснулся, Мор попытался вникнуть в слова церковника.

— Это твоя личная келья. Я распоряжусь, чтобы сюда доставили твои вещи. Занятия начнутся уже завтра, сразу после утренней службы и завтрака. — Серафим взглянул в глаза парня. — Жаль, конечно, что так получилось. — В его хриплом голосе, больше похожем на воронье карканье, мелькнуло нечто похожее на сочувствие. — Ладно, не стану тебя задерживать. Тебе сейчас лучше отдохнуть. — Развернувшись, он зашагал обратно.

Мор огляделся. Он стоял в длинном коридоре перед выдавшей виды дверью. Табличка на ней имела номер: «642». По обе стороны коридора были аналогичные двери, только с другими номерами.

Толкнув незапертую дверь, он вошел в келью. В целом она мало чем отличалась от той, в которой ему довелось провести прошедшую ночь. Разве что меблировка чуть поновее. А еще здесь было окно. Вернее картина-артефакт, похожая на те, что были в купе поезда. Оно и понятно — откуда взяться окну, если келья находится где-то в глубине горы.

Мор, не снимая ботинок, прошел к кровати и завалился на нее. В лицо ткнулось жесткое войлочное одеяло. Парень лежал, все глубже погружаясь внутрь себя.

— Вот только не надо ныть, — я попытался привести его в чувство, но что-то пошло не так.

— Кто здесь? — Мор подскочил с кровати, оглядываясь.

Он что, слышит меня? Почему сейчас? Я ведь и раньше пытался докричаться до пацана, но безрезультатно. Что поменялось? Опять сюрпризы из-за поглощения демона? Или еще что-то случилось?

— Ты меня слышишь?

— Где ты? — в голосе парня сквозил страх. — Почему я тебя не вижу?

— Успокойся, — я старался говорить уверенно, хотя и сам был на взводе.

— Ты в моей голове, — догадка ушатов ледяной воды обрушилась на Мормагона.

— В каком-то смысле, — уклончиво ответил я. Почему-то возникло чувство, что прямую ложь он сумеет почувствовать.

— Ты демон? — По спине парня пробежались мурашки. Пятясь, он уперся спиной в каменную стену. В памяти всплыло все, что произошло в поезде. Все, что рассказывал ему отец Серафим.

— Успокойся, — я дополнил слова ментальным воздействием. — Я не демон.

— А кто тогда? — он все еще паниковал, но уже не так сильно.

— Конь в кожаном пальто, — его истерика начала раздражать.

— Что ты делаешь в моей голове?!

— Не ори, болван.

— Почему это? Убирайся из моей головы!

— Потому, что если тебя услышат и доложат куда следует, то как ты думаешь, чем все закончится? Правильный ответ — тебя сожгут к хренам собачьим на священном костре. Или ты думаешь, что святые отцы станут разбираться?

Новая волна паники накрыла Мормагона. Он не был идиотом и прекрасно понимал, что я прав. Если церковники узнают про меня, то долго разбираться не станут. Закут в железо и уже к полудню соберут большой костер. Ну или же разберут на запчасти, чтобы поглядеть, как устроен наш симбиоз. Хрен его знает, какой из двух вышеперечисленных вариантов более дерьмовый.

— Убирайся, — сквозь стиснутые от страха зубы прошипел Мор.

— Я бы с радостью, да не могу. Или ты думаешь, что мне нравится сидеть в твоей голове? Поверь, я тут уже неделю, и это далеко не курорт «пять звезд».

— Неделю? Поймай, неделю назад... — в его голове родилась догадка. — Ритуал познания?

— Именно, — подтвердил я его умозаключение. — Я с тобой с того момента, как ты очнулся дома.

Мормагон помотал головой, словно отгонял дурные мысли. Усевшись на кровать, он невидящим взором осматривал келью. Взгляд ни за что не цеплялся, бесцельно блуждая по серым стенам. Мор прокручивал в голове события, приключившиеся с ним за последние несколько дней, что кардинально изменили его жизнь. Он вспомнил те редкие вспышки злости, уверенности и подсказки интуиции, что преследовали его. Ему было трудно поверить в случившееся, но факт был налицо.

— Это все ты, — тихо проговорил парень. — Это ты подталкивал меня. Это из-за тебя я стал таким. — Он стиснул обрубок руки.

— Не нужно обвинять меня в своей слабости. Не я виноват, что ты оказался не готов к последствиям собственных решений. Не я сослал тебя в монастырь! Не я просадил деньги на твою сестру-потаскуху. И не я отрубил тебе руку! Я дал тебе возможность твердо стоять на ногах! Я, в конце концов, спас твою душу от чертова демона в том сраном сортире! Так что кончай ныть и обвинять меня в своей несостоятельности!

Мормагон вновь ощутил знакомое чувство. Что-то холодное шевельнулось у него в груди. В голове, помимо моего голоса, слышалось шуршание чешуи и скрежет стальных прутьев. Это, как ни странно, придавало сил.

— Кто ты? — уже куда более спокойным голосом спросил парень.

Вот тут я сильно задумался. Сказать пацану правду или слегка приврать? В принципе, учитывая обстоятельства, при которых я появился в этом мире, можно назваться хоть царем небесным, хоть посланцем божьим. Вот только поверит ли в это Мормагон. Меня почему-то не покидает чувство, что мою прямую ложь он почувствует. Наша с ним связь достаточно окрепла для такого. Мне необходимо заручиться его доверием, чтобы он помог мне выбраться из этого дерьма.

— Я не желаю тебе зла, — уклончиво отвечаю ему.

— С трудом верится, — он все еще насторожен.

— Ты не забыл, что это именно я спас тебя в поезде?

Мор отлип от стены и на подгибающихся ногах проковылял к кровати. Усевшись на жесткий топчан, по недоразумению именуемый матрасом, он глубоко выдохнул. Мысли его метались как загнанные белки. Я не вмешивался, давая ему прийти в себя. Даже не стал внушать ему уверенность. По большей части из-за того, что пацан мог это почувствовать.

— Что тебе от меня нужно? — немного собравшись с мыслями, спросил Мор.

— Чтобы ты продвинулся как можно дальше в церковной иерархии. В идеале, занял пост какого-нибудь епископа или архиепископа. А дальше ты должен будешь найти колдуна, способного переселить меня в свободное тело.

— Всего-то... — удивление Мормагона пересилило даже страх. — Найти колдуна уровня архимага, который согласится на ритуал переноса души. Ты в курсе, что эта магия под запретом? — он перешел на шепот. — Это нереально.

— Ну, мы что-нибудь придумаем, — философски умозаключил я. — Или ты хочешь провести со мной остаток жизни?

— Я могу просто переговорить с отцом Серафимом, — с затаенной надеждой в голосе предположил Мор. — Все ему расскажу и...

— И он препарирует тебя как лабораторную крысу, — закончил я за него. — Ты думаешь, что церковники, узнав про голоса в твоей голове, кинутся тебе помогать? В лучшем для тебя случае они решат, что ты помутился рассудком после встречи с демоном. И проведешь ты остаток дней в скорбном доме.

Я снова почувствовал, как липкий страх пробирается за пазуху к парню. Он живо представил палату с обезумевшими людьми, прикованными к кроватям. Его передернуло от отвращения и мысли о том, что одним из пациентов может оказаться он.

— Слушай, — спокойным тоном продолжил я, — я же не говорю тебе сломя голову нестись искать колдуна. Я прекрасно понимаю, что это будет весьма непросто. Но и выбор у нас, не сказать что богатый, верно? И потом, наши цели, прости за каламбур, в целом совпадают.

Нашу беседу прервал настойчивый стук. От неожиданности Мор аж подпрыгнул, словно ужаленный. Кто-то колотил в дверь. Сердце заколотилось в груди с бешеной силой. Того и гляди, инфаркт хватит. В воображении парня за дверью уже стояли вооруженные демоноборцы с горящими факелами в руках.

— Открывай, — послышалось из-за двери.

— Успокойся, — шикнул я на пацана, готового упасть в обморок. — Если бы пришли по твою душу, то уж точно не стучались бы.

— Ты там уснул? — голос был нетерпеливым.

— С... сейчас, — запинаясь, крикнул Мор, подбегая к двери.

На пороге стоял монах. Его грузное тело в коричневой рясе занимало весь проем, частично ввалившись в келью. Лысая макушка, казалось, поблескивала в свете желтых ламп освещения. Маленькие глазки недовольно сверлили Мормагона, словно обвиняя того во всех мировых бедах разом.

— Мормагон Князев, — скорее уточнил монах, нежели интересовался. Не искаженный дверью, его голос оказался довольно приятным.

— Д... да, — растерянно кивнул Мор.

— Прекрасно. — Он поднял к глазам кожаный планшет с закрепленным листком пергамента. Подслеповато шурясь, монах принялся выискивать что-то на листе. Когда поиски не увенчались успехом, он опустил на нос круглые дужки очков. Именно они и поблескивали на выбритой макушке монаха.

Все еще шурясь, несмотря на очки, он поднес планшет к лицу, чуть ли не тычась в него носом. Спустя десяток секунд ему все же удалось найти искомое, отчего тонкие брови на одутловатом лице победоносно взметнулись вверх. Отчего-то в этот момент он напоминал Мор-

магону пыльного крота, зачем-то выбравшегося на поверхность. Парню едва хватило сил и ума сдержать рвущийся наружу смешок. Очевидно, что подобная ассоциация пришла на ум не только Мормагону. И можно биться об заклад, что монаху не раз и не два явно или косвенно говорили об этом.

— Нашел. — Он чиркнул что-то на листке огрызком карандаша. — Так-с, — вновь впеврившись взглядом в Мора, протянул он. Очки заученным движением отправились обратно на макушку. Карандаш — за ухо. — Меня зовут брат Якоб, — представился монах.

— Мормагон, — ответил ему парень, хотя тот и так это знал.

— Я в курсе, — одними губами улыбнулся Якоб. — Следуй за мной. — Монах отошел в сторону, освобождая проход.

Только сейчас Мор заметил, что монах был не один. Из-за того, что Якоб занимал собой весь проем, Мормагону было не видно, что в коридоре стояло еще с полдюжины человек. Мирская одежда выдавала в них новоприбывших послушников первого года. Значит, все они примерно того же возраста, что и Мормагон. Правда, отличались они от парня, как отличается тягловая лошадь от породистого скакуна. Сразу было видно, что это выходцы из крестьянских семей. Все загорелые дочерна, с выжженными солнцем волосами и широкими мозолистыми ладонями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.